

НА ДЕЛО СО СВОИМ
МЕНТОМ

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

На дело со своим ментом

Серия «Анфиса и Женька», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121232
На дело со своим ментом: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-16891-5*

Аннотация

Жизнь порой подбрасывает сюжеты почище любого детектива. Вот и писательница Анфиса Глинская вместе с верной подругой Женькой снова оказалась втянута в запутанную и кровавую историю.

Похищена шестилетняя дочь их знакомых – Лелька. Муж Анфисы, полковник спецназа Роман, старается помочь непутевым сыщицам, тем более что расследование становится слишком опасным. Кто-то безжалостно расправляется с похитителями.

И кажется, вот-вот оборвется тоненькая нить, ведущая к маленькой девочке. Но не зря же Анфиса так любит детективы...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

86

Татьяна Полякова

На дело со своим ментом

«Ночь была душной», – вывела я и уставилась невидящим взглядом в окно. Не скажешь, что данная фраза особо удачна для начала детектива. Может быть, лучше так: «Ночь была летней и душной»? Или: «Была летняя душная ночь». О господи!.. Далась мне эта ночь, в самом деле... Совершенно неважно, какая была ночь. Бог с ней, с первой фразой, лучше сразу перейти к делу, то есть к труп... «Она осторожно спустилась по извилистой тропинке и вскоре оказалась возле озера...»

– Тетя Анфиса! – Звонкий голосок вернул меня на веранду большого дома, а в распахнутом окне показалась физиономия Лельки, шестилетней дочки моей подруги, на даче которой я в настоящий момент отдыхала.

– Привет, – сказала я, с некоторым облегчением отбрасывая авторучку и отодвигая тетрадь подальше от себя.

– Привет, – улыбнулась Лелька, продемонстрировав отсутствие верхних передних зубов и большую радость от созерцания моей физиономии. – Пишете? – Она вздохнула, а потом скорчила забавную рожицу.

– Пытаюсь. – В ответ вздохнула я и поинтересовалась: – А где все остальные?

– Спят. Тетя Женя в гамаке, а мама в чулане, там не жарко. А мне скучно, – подумав, призналась Лелька и посмотрела на меня выжидающе.

– Ясно. – Я еще раз вздохнула, потом почесала затылок и дипломатично продолжила: – Купаться еще рано, вода не успела согреться...

– А в бадминтон? – с надеждой спросила Лелька (вообще-то, ее зовут Ольга, но мне так привычней). Играть с шестилетним ребенком в бадминтон – то еще занятие, но все же лучше, чем в середине лета, когда стоит жара и люди дремлют в гамаках и чуланах, сидеть на веранде и вымучивать из себя детектив.

– Пошли в бадминтон, – кивнула я и поспешно поднялась из-за стола.

Лелька взвизгнула от радости, а я, выглянув в окно и не заметив поблизости ни одной души, села на подоконник, а потом лихо спрыгнула на тропинку, посыпанную гравием, вызвав у своей шестилетней подружки вопль восторга.

– Здорово, – сказала она. Я взяла ее за руку, и мы отправились на лужайку перед домом. В тени двух огромных лип, в гамаке, прикрыв лицо книгой, дремала Женька. Заслышав наши голоса, она выглянула, хмыкнула и лениво спросила:

– Как работа?

– Никак, – отмахнулась я.

– Ты ж хотела... – Женька приподнялась, хмуро глядя на меня, но я пресекла попытку вправить мне мозги, сказав су-

рово:

– Заткнись!

Женька махнула рукой и вновь спрятала физиономию под обложкой. Я с некоторым удивлением прочитала: «Д. Джойс. “Улисс”», подошла и, не удержавшись, взяла книгу. Она была раскрыта на одиннадцатой странице, а вчера лежала на скамейке с закладкой на пятнадцатой.

– Ты что, читаешь ее задом наперед? – поинтересовалась я.

– А великие книги как ни читай, все на пользу. В бадминтон играть?

– Ну...

– А работа, значит...

– Заткнись! – повторила я, свирепея, потому что Женька, конечно, права, а соглашаться с чужой правотой всегда неприятно.

Идея отправиться на дачу принадлежала Женьке. У нее был отпуск, который она собиралась провести в Испании, но денег на это не хватило. Женька задумала слетать в Анапу, но неожиданно встретила мужчину своей мечты и влюбилась, а когда любовь прошла, денег не осталось даже на самолет. Сидеть в душном городе весь отпуск – занятие не из приятных, поэтому Женька с радостью приняла приглашение подруги пожить на даче. У Веры тоже был отпуск, отдыхала она вместе с дочкой, я же в это время безуспешно пыталась начать работу над детективом. До десятого октяб-

ря необходимо представить рукопись в издательство, а дальше первой строчки дело не шло. В понедельник мой благоверный отбыл в командировку, я проводила его с тайной надеждой, что теперь, предоставленная самой себе, наконец-то возьмусь за работу, но не тут-то было: столбик термометра подскочил с семнадцати градусов аж до двадцати восьми, и я два дня пролежала на лоджии без мыслей и пользы для работы, точнее, мысли были, но никакого отношения к детективу не имели.

Вот тут у меня и объявилась Женька, настойчиво позвонила в дверь, и я пошлепала открывать, сонная, точно муха осенью.

– Чем занимаешься? – чмокнув меня в нос, проявила интерес подружка.

– Ничем, – призналась я.

– А детектив?

Я тяжело вздохнула и пожала плечами.

– Ясно. – Женька устроилась за кухонным столом, затем, немного подумав, извлекла из холодильника банку пива, опустошила ее и сказала: – Отечественные классики предпочитали летом творить на природе. В родном имении или, на худой конец, в каком-нибудь Переделкине.

– Хорошо было классикам, – заметила я.

– Да. Верка зовет на дачу. Речка, лес, природа, одним словом. Махнем? Детектив не напишешь, так хоть загорись как следует.

– Мне работать надо, – обиделась я.

– Так и работай на здоровье. Дом большой, места всем хватит. Сиди на веранде, слушай пение соловьев и трудись. Поехали, а? Верка – человек хороший, но малость занудлива, прикинь, каково мне?

– А ты работай, – съехидничала я. – Рассказы пиши или серию статей в родную газету.

– Статьи не могу, у меня ж отпуск, девчонка я правильная и в отпуске отдыхаю, а рассказ уже написала. Про муравья. Хочешь почитаю? – Про муравья – это что-то новенькое, обычно Женька писала исключительно про кошек и собак.

– Валяй, – согласилась я. Рассказ был очень короткий, и мне понравился. Я похвалила подружку, поскребла в затылке и попробовала вспомнить, кто из классиков творил летом в городе.

– Поехали? – жалобно позвала подружка, и я кивнула.

В тот же вечер мы прибыли на дачу. Я гостила здесь лишь однажды, года два назад. За это время многое изменилось: вместо дряхлого пятистенка высился добротный бревенчатый дом с огромной верандой и мансардой. Забор, резная калитка, палисадник, ухоженная лужайка и свежеразбитые клумбы свидетельствовали о том, что дача – любимое место отдыха хозяев. Правда, сам хозяин здесь бывал нечасто. Веркин муж Игорь руководил какой-то фирмой и с семейством в период отпуска жены общался в основном по телефону. Поэтому Верка нам так и обрадовалась. Дом ее находился

на отшибе, близкого знакомства ни с кем из местных она не свела и скучала.

Неделя пролетела незаметно, я здорово загорела, но не написала ни строчки, хотя каждый день давала себе слово все-рьез взяться за работу. В общем, обычное дело. «Время еще есть», – утешила я себя и, подмигнув Лельке, взяла ракетку.

Игра девчужке вскоре наскучила, но возвращаться на веранду мне ужасно не хотелось, и я стала придумывать себе какое-нибудь сверхважное занятие. Тут на крыльце появилась Вера и громко крикнула:

– Эй, подруги, сходите в магазин за хлебом!

– А за мороженым? – обрадовалась Лелька.

– И за мороженым.

– Пойдем? – подергала она меня за руку.

– Пойдем, – кивнула я, и мы отправились в магазин.

До деревни было с полкилометра. Мы шли друг за другом, Лелька впереди размахивала авоськой, а я наблюдала за жаворонком. Справа начинались колхозные поля, а слева ровной стеной замерли молоденькие ели.

– Тетя Тоня, у которой мы молоко берем, сказала, что в посадке много грибов.

– Где? – не поняла я.

– Да вот здесь, – ткнув пальцем влево, пояснила Лелька и вдруг нахмурилась: – Машина стоит.

И в самом деле, в тенечке, съехав с песчаной дороги, стоял серебристый «Део», судя по всему пустой. За грибами рано-

вато, но человек мог просто решить прогуляться, и в том, что машина стоит здесь, не было ничего удивительного. Лелька замерла, все еще хмурясь, и сказала:

– Я ее видела.

– Машину? – не поняла я. – Кто-нибудь из деревни...

– Нет, – перебила Лелька. – Я ее раньше видела. – Девчонка стояла, переминаясь с ноги на ногу, и жалобно смотрела на меня.

– Таких машин сейчас много, – не понимая ее интереса к залетной иномарке, заметила я.

– Я ее видела... во сне, – неизвестно чего испугавшись, пролепетала Лелька.

– Во сне? – переспросила я.

– Ага. Так папа сказал, что во сне...

Тут из-за деревьев с громким лаем выскочила собака, девчонка вскрикнула от неожиданности, я прижала ее к себе, а немецкая овчарка, obeжав нас по кругу, разом потеряла к нам интерес. Через минуту появился пастух, кивнул в ответ на наше приветствие и обругал собаку.

– Испугалась? – спросила я Лельку.

– Не-а, я собак не боюсь, – гордо ответила она.

Через час мы пили чай на веранде. Лелька убежала играть с подружками, а мы все никак не могли встать и отправиться на речку. Лениво переговаривались, обмахивались полотенцами и жаловались на жару. Наконец Верка начала собирать

со стола.

– Работать будешь или на речку пойдешь? – спросила она меня. Женька насторожилась, а я ответила обреченно:

– Какая работа в такую жару?

– Да уж... Топайте купаться, а я вымою посуду и вздремну немного. Целый день как пыльным мешком из-за угла прибитая, голова болит, и лень такая, что на свет божий смотреть не хочется.

Тут послышался шум проезжающей машины, и Верка все-таки взглянула на свет божий, а вслед за ней и я. За окном мелькнул тот самый «Део», который мы заметили в посадке, и скрылся в направлении реки. В этом факте не было ничего удивительного, в той стороне мост, а за мостом большое село, и машины здесь нет-нет да и проезжали, хотя в село вела асфальтированная дорога прямо с шоссе, но Верка вдруг замерла с чашками в руках и нахмурилась, совсем как ее дочка полтора часа назад.

– Ты чего? – спросила Женька, которой всегда больше всех надо.

– Так, – неопределенно ответила Верка, провожая взглядом «Део».

– Он в посадке стоял, – влезла я, хотя меня и не спрашивали, – когда мы за хлебом ходили...

– В Степанове полно дачников, – мудро рассудила Женька, и на этом мы бы, наверное, успокоились, но «Део» вновь появился под окнами. Проехал очень медленно, и на этот раз

я смогла увидеть водителя. За рулем сидел светловолосый парень лет двадцати пяти в ярко-желтой рубашке.

– Это точно он, – заявила Верка.

– Кто? – насторожилась Женька, с которой профессия журналиста давно сыграла скверную шутку: она не могла не задавать дурацкие вопросы, а Верка у нас чемпион по дурацким ответам. Вот и сейчас она порадовала:

– Этот парень.

– Ну и чего? – не унималась одна моя подружка, а другая опять ответила:

– Ничего. Просто... беспокойно что-то...

Разговор двух дурех. На него вообще не стоило бы обращать внимания, но вместо этого я нахмурилась и тоже полезла к Верке:

– А чего беспокойно? На какой предмет то есть?

– Я видела этого парня, – ответила она, – на прошлой неделе, в городе. В магазин пошла, а он следом... а потом во дворе крутился.

– Следил, что ли? – выпучила глаза Женька. Эта мысль даже Верке показалась глупой. Она взглянула с сомнением и отмахнулась:

– Иди ты...

– А чего ж тогда? – Женька все еще таращила глаза и явно получала удовольствие от происходящего.

– Откуда мне знать? Ну... шел сзади, я его в витрине увидела, случайно. А потом он во дворе вертелся. И вот сегодня

в деревне.

– Для совпадений слишком круто, – здраво рассудила я. – Если ты, конечно, ничего не путаешь и парень тот же...

– Может, и путаю. Он тогда без машины был...

– А вдруг он влюбился? – выдвинула потрясающую идею Женька, у нее с юности наблюдалась повышенная склонность к романтическим бредням. – С первого взгляда? Увидел тебя и... – В этом месте Женька заметно скисла, так как подружка стояла как раз перед ней, и эта мысль даже Женьке не показалась особо удачной. Не то чтобы наша Верка была какой-то уродиной, ничего подобного. Верка зануда, и эта самая занудливость отчетливо проступала в ее облике хорошей жены и заботливой матери, к тому же она старше нас с Женькой и парню на «Део» годилась разве что в тетки. – А что? – кашлянув, спросила Женька, не желая сдаваться без боя. – Бывают такие случаи, – и посмотрела на меня, словно я собралась возражать.

– Идемте купаться, – внесла я разумное предложение, и обе подруги разом кивнули. Верка тоже решила пойти с нами, несмотря на головную боль.

Через несколько минут мы уже двигались в направлении речки. Речка здесь неширокая, в некоторых местах больше напоминает ручей, зато исключительно чистая. Цивилизация мало коснулась этих мест, а речушку питали подземные ключи, этим обстоятельством объяснялся и тот факт, что вода в реке была холодной и даже при двадцативосьмигра-

дусной жаре радовала прохладой. По песчаной тропинке мы спустились к омуту, который местные называли Круглым. Детишки с визгом и брызгами ныряли возле берега и успели поднять со дна всю муть, так как в отличие от нас проводили здесь время с утра до вечера. Женька скривилась и посмотрела на нас.

– Идемте на Большой омут, – кивнула Верка и резво потрусилась по тропинке.

Большой омут вовсе не был большим, зато считался очень глубоким, детня сюда не ходила, да и взрослые наведывались нечасто, потому что от деревни его отделяло чуть больше километра. Впрочем, от Веркиного дома он был неподалеку, только спускаться надо было с другой стороны, теперь же нам предстояло сделать приличный крюк. Я по этому поводу ничуть не расстраивалась: на мне соломенная шляпа, защищающая лицо от солнца, я только что съела три пирога с клубникой, и прогуляться было просто необходимо. Однако Женька не смогла удержаться от критических замечаний.

– Надо было через огород идти, – проворчала она.

– Так чего ж ты не пошла?

– Я думала, мы на Круглый омут идем.

– Так и мы думали.

Впереди показались кусты ивы, и вскоре мы уже раздевались на отлогом берегу.

– Холоднющая какая, – сунув ногу в воду, проворчала Женька и поежилась, потом постояла, точно к чему-то при-

слушиваясь, и с разбегу бросилась в воду, подняв столб брызг.

– Чокнутая, – покачала головой Верка и устроилась на траве. Я взглянула на нее, на Женьку, голова которой к этому моменту появилась на поверхности, и осторожно вошла в воду. Прыгать в омут очертя голову в отличие от подружки я не люблю, поэтому потратила минут пять, прежде чем окунулась, все это время жалобно поскуливая и повизгивая.

– Давай наперегонки к тому берегу, – позвала Женька. Предложение показалось толковым, и, прокричав в ответ: «Давай!», я устремилась к подружке. Задора в Женьке больше, чем умения, конечно, я ее обогнала, и она, сразу потеряв интерес к соревнованиям, приблизилась к берегу, сплошь заросшему ивой, и, делая вид, что не обращает на меня внимания, нырнула.

Я легла на спину и раскинула руки. Из состояния абсолютного блаженства меня вывел Женькин вопль. Орала она так, что я в полной растерянности крутанулась на живот, забыв прикрыть при этом рот. Женька стояла по грудь в воде, колотила по ней руками, поднимая брызги, и вопила что есть мочи.

– Что ты орешь? – укоризненно спросила я, подплывая ближе, и тут обратила внимание на физиономию подружки. Вне всякого сомнения, она спятила: перекошенный рот, вытаращенные глаза и такой ужас в них, что я совсем было решила тоже заорать, но вовремя одумалась и только вздохну-

ла: – Спятила ты, что ли?

– Вытащи меня отсюда! – рявкнула Женька, неожиданно приходя в сознание. Тут она заметила бросившуюся в воду Верку и отчаянно закричала: – Не ходи сюда!

– Змея? – догадалась я, зябко ежась. Женька схватила меня за руку и кинулась к берегу, отчетливо стуча зубами. Само собой, я припустилась следом, и через мгновение мы уже стояли на берегу все трое. Мы с Веркой торопливо оглядели Женьку, не нашли в ней никаких перемен и жутко осерчали. – Ну и что ты орала, больная? – зло спросила я. Верка, которая по натуре была человеком добрым, посмотрела на меня укоризненно и повторила тот же вопрос ласково, при этом опустив эпитет «больная». Женька вновь начала трястись, а Верка брякнула:

– Пиявки?

– Пиявки в реке не водятся, – отрезала я.

– Почему? – не поверила Верка.

– Откуда мне знать? Просто не водятся, и все тут...

– Ты точно знаешь? – все еще сомневалась она, а Женька неожиданно заорала:

– Дуры, мать вашу, там утопленник!

– Чего? – разом открыли мы рты.

– Утопленник, – повторила Женька и вздохнула с облегчением, точно избавилась от тяжелой ноши.

Минуто, не меньше, мы стояли молча, таращась друг на друга, затем я смогла спросить:

– По-твоему, это хорошая шутка?

– А кто тут шутит? – хмыкнула Женька, заметно приходя в себя, правда, плечами все еще дергала, и физиономия ее теперь выглядела не серо-зеленой, а просто бледной.

– Ну? – нахмурилась я.

– Гну. Утопленник, говорю, там. Кажись, за корягу зацепился.

– Как же так? – переминаясь с ноги на ногу, пролепетала Верка. – Если б кто утонул, так в деревне бы знали...

– Может, еще не знают, может, только что утонул...

– Мужчина или женщина?

– Почему я знаю... руку видела, вроде женщина...

– Да врет она все, – не выдержала я.

– Показалось с перепугу, – кивнула Верка и отважно шагнула в воду. – Где это?

– Вон там, у берега, – ткнула пальцем Женька в самое глубокое место. Кажется, там метров семь в глубину, и увидеть что-либо подружка никак не могла. Впрочем, если она говорит, что у самого берега...

– Там какая-нибудь коряга, – успокаивала Верка по большей части сама себя. – А тебе померещилось.

Она нырнула, но почти тут же голова ее показалась из воды, и Верка отчаянно забила руками, возвращаясь к берегу.

– Ты чего? – растерялась я.

– Там в самом деле кто-то есть, – сообщила она, здорово заикаясь. Верка – девка серьезная и так шутить не могла, со-

весть в отличие от Женьки у нее есть, выходит, она действительно что-то там увидела...

– В деревне все друг друга знают, – пытаюсь рассуждать здраво, сказала я. – И если б кто утонул...

– Надо собрать людей, – надевая шорты, бормотала Женька. – Побегу в деревню... и милицию вызвать, обязательно милицию...

Верка натянула сарафан и, судя по выражению ее лица, всерьез собралась кричать «Караул!».

– Подождите, – поморщилась я. – А если там коряга? За такие шутки...

– Это не шутки, – возмутилась Женька, и Верка поспешно кивнула:

– Точно. Там что-то есть...

– Что-то или кто-то? – спросила я.

– Не знаю, страшно очень, я не разглядывала. Но там что-то лежит. Бледное и неживое.

– Одной дуре чего-то привиделось, и вторая туда же, – разозлилась я и неожиданно для самой себя шагнула к воде.

– Ты куда? – ахнула Женька, а я отмахнулась:

– За вашим утопленником. – Уж очень все это показалось глупым. «У Женьки крыша поехала, – утешала я себя, входя в воду. – А Верка испугалась и... ничего там нет... а эти дуры в самом деле всю деревню по тревоге поднимут».

Набрав в грудь воздуха, я нырнула, сделала мощный рывок вперед и сразу же увидела ее: она лежала на самом дне

совершенно голая, длинные волосы оплели корягу, руки вытянуты вдоль тела и плавно покачиваются... «Мамочка», – чуть не заорала я, но вовремя опомнилась, вынырнула, в три броска достигла берега, выскочила и, подхватив шорты, бросилась в деревню.

- Чего ты? – орала Женька, с трудом меня догоняя.
- Утопленница! – взывала я.

Через полчаса у Большого омута собралось все население деревни. Три дюжих мужика влезли в воду и подняли утопленницу. Приехал участковый на мотоцикле с коляской, обругал галдящую детню и накрыл тело старым пиджаком.

- Это кто ж такая? – громко переговаривались вокруг.
- Не из наших...
- Дачница, видать...
- Какая дачница? Чего вы болтаете?
- А кто ж тогда?
- Почему я знаю... У нас в деревне ее сроду не было...
- А может, из Степанова?
- Так ведь не слышно разговору, чтобы кто-то пропал...
- В Степанове москвичей полно...
- И что ж ее по сию пору не хватились?
- Значит, из города отдохнуть приехала...
- Одна, да еще голая?
- С компанией, выпили лишка да и не заметили, что девка пропала...

– Ну ты, Кузьмич, скажешь...

– Андрюха! – рявкнул участковый, до того момента молчавший, одной рукой он мял фуражку, а другой остервенело скреб бритый затылок. – Звони в район, пусть бригаду высылают, а вы, граждане, расходитесь, затоптали здесь все...

– Чего мы затоптали? – хмыкнула бабка с темными смеющимися глазами. – Лужок этот? Так его отродясь никто не косил...

– Не болтай, Татьяна, а домой отправляйся и пацанов своих заberi. Нечего здесь детям делать, и по тропинке идите, а не полем, вдруг собака след возьмет.

– Какой такой след? – не унималась Татьяна.

– Такой... Может, она не сама утонула, а помог кто... Может, убийство...

Роковое слово было произнесено, и лица обитателей Горелова мгновенно переменились, разговоры смолкли, и все гуськом потянулись по тропинке в сторону деревни.

– Вера Андреевна, – окликнул участковый, когда мы вслед за остальными отправились к дому. – Вы не отлучайтесь надолго, приедут из района, поговорить с вами захотят.

Районное начальство ждали до самого вечера, но оно так и не появилось. Лельку уложили спать, радуясь, что она во время обнаружения трупа играла с подружками на соседском дворе, а потом уснула под навесом в обнимку с котенком, поэтому утопленницу не видела. Мы же пребывали в сильнейшем волнении, пили чай на веранде и гадали, кто эта мо-

лодая женщина и что за несчастье с ней произошло. Разумеется, ни до чего не додумались и уже ночью разошлись спать.

Утром за нами приехал участковый и отвез в село. Здесь мы узнали, что тело отправлено в морг районной больницы и что начальство все-таки пожаловало. Нас попросили подождать, а затем по очереди вызывали в кабинет председателя правления, где это самое начальство обосновалось. Пожилой лысый дядька, вытирая платком пот со лба, смотрел с тоской и задавал нам одни и те же вопросы. Я что-то ответила, что-то подписала и, попрощавшись, вышла на крыльцо.

Верка с Лелькой ушли в магазин, а Женька сидела на скамейке в трех шагах от крыльца и щурилась на солнце, точно кошка.

– Поехали домой, – вздохнула она жалобно. – Чего-то мне природа разонравилась.

Я вошла в квартиру и настороженно замерла. В кухне работала стиральная машина, а между тем Роман Андреевич, отважный боец спецназа и по совместительству мой муж, должен был вернуться только завтра. На цыпочках я прошла вперед и заглянула в гостиную: никого. В спальне разумных существ тоже не наблюдалось. Уже не таясь, я зашагала в кухню. Так и есть. Роман Андреевич собственной персоной сидел за столом и уминал пельмени. Я вспомнила, что в доме не было даже хлеба, и затосковала. В этот момент супруг поднял глаза от тарелки и соизволил меня заметить.

– Ну и где тебя носит? – спросил он сурово.

– Я была у Верки на даче, и тебе об этом доподлинно известно, если ты туда раз пять звонил, – ответила я. Надо сказать, что у Романа Андреевича есть один существенный недостаток, который он умело скрывал до самой регистрации брака, недостаток весьма банальный: супруг мой страшно ревнив, что в сочетании с его взрывным темпераментом иногда делает мою жизнь просто невыносимой. Вот и сейчас он забыл поздороваться и начал с претензий. – Здравствуй, – подумав, сказала я, так как поздороваться тоже забыла.

– Привет, – скривился он.

– Давно приехал?

– Давно. И весь день пытался тебя отыскать. Только-только решил поднять в воздух ВВС России, как ты появилась.

– По-моему, ты не ВВС поднимал, а уплетал пельмени.

– Конечно. А что еще меня ждет в этом доме?

Кое-какая критика в мой адрес была справедлива, допустим, праздничный обед его не ждал, более того, в холодильнике завалялась только пачка пельменей, и хлеб отсутствовал, но все равно это не повод говорить мне гадости.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовалась я.

– Все, что сказал, – съязвил Роман Андреевич.

– По-твоему, я плохая жена?

Он поднял брови и вроде бы удивился:

– Это ты сказала.

– Ага, – кивнула я удовлетворенно, подхватила со стола

тарелку и швырнула в стену. Кухня у нас большая, а я здорово нервничала и, проследив траекторию полета, с грустью констатировала, что тарелка хлопнулась на пол, так и не коснувшись стены. Очень жаль, останься на ней сальное пятно, пришлось бы муженьку заняться ремонтом, знал бы тогда, как говорить мне гадости. Роман Андреевич тоже следил за полетом тарелки, счел бросок неудачным и протянул мне чашку, стоявшую на столе. – Свинья, – сказала я и ушла в спальню переодеваться. С интервалом в минуту там появился муженек.

– Ну и где ты была? – спросил он, прислонившись к дверному косяку. Мужчина Роман Андреевич крупный и сейчас занимал практически все свободное пространство нашей спальни.

– Ты знаешь, – отмахнулась я, переодеваясь за ширмой.

– Ничего я не знаю. Я все утро звонил на эту долбаную дачу, никто трубку не берет, точно там еще вчера все окоchureлись, а ты являешься и нагло врешь, что была у Верки. Вроде я уже не раз просил: завязывай мне по ушам ездить.

Муж у меня подполковник спецназа, поэтому, должно быть, и выражается временами, как форменный бандит.

– Закрой дверь с другой стороны, – посоветовала я. – А еще лучше заткнись.

– Ага, – кивнул он и пакостно улыбнулся. – Не люблю повторяться, но вынужден спросить в третий раз: где ты была, черт тебя дер?

– В таком тоне продолжать беседу я не собираюсь.

– Что тон, – еще пакостнее улыбнулся супруг. – Слышала такое слово – «рукоприкладство»? Так вот, я им непременно займусь, если ты сейчас же не объяснишь, с какой стати болтаешься неизвестно где, вместо того чтобы сидеть дома и ждать мужа из командировки.

– Ты должен был приехать завтра...

– Разумеется, – хмыкнул он.

– Прекрати, – возвысила я голос и вдруг неожиданно для самой себя решила пожаловаться. – Ромочка, – сказала я отчаянно, – я нашла труп. Точнее, его нашла Женька, но я его тоже нашла, потому что нырнула вслед за Веркой, а она там лежала так страшно... бледная, и волосы запутались вокруг коряги. – Вспомнив эту жуткую сцену, я заревела, а Роман Андреевич нахмурился, отлепился от косяка и торопливо шагнул ко мне.

– Эй, в чем дело? – спросил он тревожно.

– Мы нашли утопленницу, молодую женщину. Вчера после обеда на Большом омуте. А сегодня с утра пришлось ехать в райцентр, ведь это мы первыми наткнулись на нее... – Тут я заревела по-настоящему. Роман Андреевич прижал меня к могучей груди и принялся утешать.

На это ушло примерно часа полтора, после чего мы приготовили ужин, предварительно посетив магазин, и торжественно отметили возвращение супруга из командировки. Разумеется, я успела в деталях рассказать о постигшем нас

несчастье. Роман Андреевич был потрясен, сочувствовал мне изо всех сил и даже попросил прощения за скверное поведение при встрече. Я с готовностью простила, потому что достоинства моего мужа перевешивают кое-какие его недостатки, а Женька вообще утверждает, что неревнивых мужей в природе не водится и обращать внимание на всякие глупости не стоит.

Вечер мы провели очень мило, и я поняла, чего мне не хватало все эти две недели, а не хватало совсем немногого: чтобы Роман Андреевич был дома, а не в очередной опасной командировке, и пусть даже встречает меня своим дурацким «Где ты была?». Это все-таки лучше, чем две недели без него... Подобные мысли увели меня довольно далеко от недавней трагедии, так что вспомнила я о ней только утром, да и то после звонка Женьки.

Она позвонила в половине девятого, когда мы с Романом Андреевичем спали и не планировали просыпаться еще по крайней мере час.

– Ужас, да? – спросила Женька, забыв поздороваться.

– Разумеется, – разозлилась я, взглянув на часы. – Приличные люди еще спят.

– Да ладно... Она мне приснилась. Может, мне у тебя пожить? Вдвоем как-то спокойнее.

– Втроем, – поправила я.

– Ромашка вернулся? – неизвестно чему порадовалась Женька, то есть радоваться ей не следовало, если она все-

рье́з соби́ралась водвориться в моей квартире, потому что Роман Андреевич неизменно выступал категорически против подобных намерений.

– Вернулся, – ответила я, косясь на мужа, который продолжал симулировать сон, хотя уши наострил и, разумеется, все слышал.

– Хорошо, – вновь порадовалась Женька. – Теперь я хоть за тебя спокойна.

– В каком смысле? – нахмурилась я.

– В том, что ночью тебе должно быть не страшно, если твой бравый подполковник дрыхнет рядом... Слышь, Анфиса, пусть Ромик узнает, кто она такая.

– Кто? – не сразу поняла я.

– Ну, женщина эта.

– Зачем тебе? Думаешь, если узнаешь, она сниться перестанет?

– Не в этом дело...

– А в чем?

– Отвяжись, интересно просто. И участковый сказал, может, не утонула она вовсе, может, это убийство?

Не успела я ответить, как Роман Андреевич вырвал из моих рук телефонную трубку и рявкнул:

– Трусами должна милиция заниматься, им за это деньги платят!

– Ты что орешь, родной? – удивилась Женька. – Я ж просто интересуюсь...

– Знаю я вас, – разволновался супруг. – Затеете расследование. Мало мне головной боли на работе, так еще дома никакого покоя. Трупы – дело милиции, твое дело – статейки в газетку писать, а Анфисино – детективы. Вот и напрягайтесь, а трупами меня больше не волнуйте. – С этими словами он швырнул трубку и грозно посмотрел на меня, как будто я собиралась возражать. А я и не собиралась вовсе, правда, за завтраком, глядя в окно, вспомнила, как женщина лежала на дне со спутанными волосами, и...

– Ромочка, – позвала я ласково. – Может, действительно стоит позвонить?

– Куда? – ехидно спросил он.

– Ну... у тебя же есть возможность узнать...

– Нет у меня никаких возможностей, – зарычал он, – а ваши замашки частных сыщиков действуют мне на нервы!

Я надула губы и обиженно замолчала. Роман Андреевич швырнул вилку, посуровел еще больше, а потом сказал:

– Анфиса, сию минуту пообещай мне, что ты оставишь этот труп в покое.

– Что за глупость ты говоришь? – возмутилась я.

– Не заговаривай мне зубы. Допустим, Женька твоя совсем дура, и ей просто нечем заняться, вот она и открыла любительское сыскное бюро, но у тебя-то есть я, вот мной и займись, пожалуйста. К тому же не далее как вчера ты жаловалась, что работать даже не начинала, а рукопись обязана сдать до десятого октября.

– У меня еще уйма времени.

– Отлично, – кивнул он. – А у меня целая неделя отдыха. –

И продолжил с лучезарной улыбкой: – Махнем на юг?

– Махнем, – сразу же согласилась я.

Он подошел ко мне, опустился рядышком на колени и заявил:

– Заметано. – После чего погрозил пальцем и добавил: –

И никаких трупов. Обещаешь?

– Обещаю, – кивнула я.

На следующий день мы улетели на юг, где и пробыли семь дней. Домой вернулись поздно вечером, дорога изрядно меня утомила, и, приняв душ, я сразу же завалилась спать. Звонок поднял нас в половине первого ночи. Конечно, звонила Женька. Трубку снял Роман Андреевич с намерением высказать наболевшее, но неожиданно для меня, забыв свой богатый лексикон, молча выслушал сообщение и повернулся ко мне:

– Анфиса, звонит Женька, говорит, у Веры неприятности, что-то с дочкой.

Я схватила трубку и испуганно пробормотала:

– Что случилось?

– Дела хреновые, – бесцветным голосом сообщила Женька. – Ребенок пропал.

– Как пропал? – растерялась я.

– Как дети пропадают? Гуляла во дворе и вдруг исчезла.

В милицию сообщили, толку пока никакого.

– Господи... нам приехать?

– Приезжай, хоть и не знаю зачем. Сидим у Верки в полном составе и зубами клацаем...

– Когда это случилось?

– Вчера после обеда. Я тебе без конца звонила...

– Да мы только-только приехали и сразу спать.

– Вот-вот. Ладно, голова моя мало что соображает, а Ромка твой, как ни крути, почти что мент, может, по своим каналам что-нибудь сумеет, хотя... – Женька отчетливо всхлипнула и повесила трубку. Роман Андреевич к этому моменту уже оделся, я торопливо поднялась и бросилась в ванную.

Верка забилась в угол дивана и дрожала, точно в ознобе. Ее муж Игорь нервно расхаживал по комнате, время от времени останавливался перед кем-то и смотрел растерянно, точно силился понять, по какому поводу здесь все собралось. Четверо мужчин и шесть женщин сидели, пряча друг от друга глаза, и старались не дышать. Время от времени кто-нибудь вожаделенно смотрел на телефон, но тот упрямо молчал.

Роман Андреевич сделал несколько звонков, но особого толка я в них не усмотрела. К несчастью, похищение детей не такая уж редкость, но поверить в то, что беда приключилась с очень близким тебе человеком, упорно не хотелось. Не выдержав всеобщего напряжения, мы с Женькой вышли на кухню и закурили.

– Расскажи, что знаешь, – попросила я, хотя сестра Веры успела поведать о событиях вчерашнего дня.

– Нечего рассказывать, – нахмурилась Женька. – Ребенок играл во дворе. Как обычно. Где-то часа в четыре Вера пошла в магазин и Лельку в песочнице не обнаружила, забеспокоилась. Ребяшня ничего сообщить не смогла, и соседки на скамейке тоже. Вера обежала весь двор, а затем всю улицу, Лельку не нашла и вызвала милицию. Они, само собой, малость по дворику прогулялись и тоже поспрашивали. Никто ничего не видел. Одно точно: в 15.40 Вера выходила на лоджию и видела Лельку во дворе, время запомнила, потому что как раз собиралась в магазин, завела часы и надела их на руку. Ребенок исчез в течение этих двадцати минут, и мне даже думать не хочется о том, что с ней могло случиться. Полно развелось всяких придурков и...

– Подожди, – нахмурилась я, не желая вслед за подружкой представлять, что может сделать с ребенком какой-нибудь сукин сын. – Лелька – на редкость рассудительное создание, и Вера ее воспитывала правильно. Ни за что не поверю, что она пошла с незнакомым человеком.

– Она ребенок, пообещали шоколадку...

– Нет, – перебила я. – Когда Роман Андреевич впервые появился в этом доме и протянул Лельке плюшевого мишку, она сказала «спасибо», но игрушку не взяла, а сначала спросила разрешения у матери. Говорю, Лелька на редкость рассудительна. К тому же шоколадки ей не в диковинку, и вряд

ли она ими прельстится.

– Допустим, – кивнула Женька. – Но Лельке всего шесть лет. Подошел дядя, подхватил на руки и рванул со двора...

Отвечать я не стала, но глубоко задумалась, а затем подошла к окну, выходящему во двор. Близился рассвет, на востоке небо было мутно-серым, а небольшой двор освещал фонарь возле ЖКО, что напротив. Дома здесь старые, построенные в начале пятидесятих. Тот, в котором расположен ЖКО, двухэтажный, слева точно такой же дом, а тот, в котором я сейчас находилась, имел четыре этажа и фасадом выходил на центральную улицу. Справа кирпичные сараи. Сообразительные граждане превратили их в гаражи. Дворик небольшой, зеленый, почти в центре огромный развесистый клен, под ним доминошный стол. Я не припомню случая, чтобы он был пуст, разумеется, если не считать тех дней, когда шли проливные дожди. Но если Лелька гуляла во дворе, ни о каком дожде не могло быть и речи. Ближе к сараям детская площадка, домушка на курьих ножках, качели и песочница, возле низкого заборчика скамейка. Как я уже сказала, дома здесь старые, и живут в них в основном пенсионеры. Самодельные лавки возле каждого подъезда, а на них старушки, старички и молодые мамы с колясками. Псих с ребенком на руках, стремительно покидающий двор, непременно привлек бы чье-то внимание, а милиция, опросив граждан, с прискорбием констатировала, что никто ничего не видел.

Женька стояла рядом и тоже пялилась в окно, потом покосилась на меня и заявила с тяжелым вздохом:

– Да, чепуха получается.

– Вот именно, – кивнула я. – О том, что ребенка просто схватили и куда-то увезли, не может быть и речи. Она пошла сама. При чем двор, скорее всего, покинула без сопровождения. Чужой человек, ведущий Лельку за руку, непременно привлек бы к себе внимание.

– Чужой? – вытаращила глаза Женька. – Ты имеешь в виду, что Лельку увел кто-то из знакомых?

– Чудовищно, но факт. Чужак привлек бы внимание, и добровольно Лелька ни с кем бы не пошла.

– Господи! – ахнула Женька и даже перекрестилась. – Это что же делается? – В этом месте она сурово нахмурилась и на меня посмотрела так, точно я на сегодняшний день была ее самым главным врагом. – Чепуха, кому такое придет в голову? Это не детективный роман, Анфиса Львовна, а реальная жизнь. Здесь все проще и страшнее.

– Хорошо, – согласилась я. – Допустим, у меня едет крыша, а что скажут умники?

– Ничего, – подумав, вздохнула Женька. – Конечно, кое в чем ты права: Лелька послушная девчонка, двор не покинет и чужому человеку руки не даст. Свистнуть ребенка из такого дворика – в самом деле занятие не из легких. Выходит, ее как-то выманили со двора, а схватили уже на улице.

– И она не закричала?

– Не переживай, ей шесть лет, и похититель мог не дать ей возможности даже пискнуть.

– Тогда он был на машине, – кивнула я, – иначе не склеивается.

– Разумеется, на машине. И машина стояла где-то неподалеку. – Мы переглянулись, и Женька заметила неуверенно: – Думаешь, менты такие дураки и этого не сообразили?

– Не в том дело, – поморщилась я. – Не каждый человек может спокойно разговаривать с блюстителем порядка. Я вот всегда пугаюсь, к примеру.

– Ты? – скривилась Женька, явно не поверив. – Да у тебя муж – тот же мент.

– При чем здесь муж? – разозлилась я.

– Ладно, не заводись, – вздохнула подружка. – Основную мысль я просекла. Ты хочешь сказать, что кто-то непременно видел, как Лелька покинула двор. Но менты обошли все квартиры, все...

– Кто-то в волнении просто не вспомнил что-то важное или решил, что увиденное им к исчезновению девочки не имеет отношения, и промолчал.

– А нам расскажут? – закончила мою мысль Женька.

– Надеюсь, – кивнула я.

Остаток ночи и утро прошли в напрасном ожидании. О ребенке по-прежнему не было никаких известий. Часам к девяти все начали расходиться на работу. Остались только родители девочки, не смыкавшие глаз вторую ночь и к этому

моменту совершенно измученные, Веркина сестра Наталья да мы с Женькой. Во дворе появились жильцы, и мы, переглянувшись с подружкой, шепнули Наталье:

– Мы во двор, вдруг узнаем что путное. – Та кивнула в ответ, хотя вряд ли нас слышала.

Через пять минут мы сидели на скамье возле той самой песочницы на детской площадке. Вскоре к нам присоединились две старушки, внуки которых с энтузиазмом раскатывали на велосипедах.

– Как себя чувствует Верочка? – тут же спросила меня соседка справа, я с ней знакома не была, но она, как видно, признала во мне Веркину подругу, что послужило косвенным подтверждением моей правоты: человек в этом дворе не останется незамеченным.

– Плохо, – с готовностью ответила Женька, радуясь легко завязавшемуся разговору.

– Есть новости?

– Никаких. Всю ночь глаз не сомкнули. Вот вышли во двор проветриться, с Верой пока осталась ее сестра.

– Да, – дружно вздохнули старушки. – Что делается, ребенкa одного во двор не выпустишь. Я сама всю ночь не спала, и сердце разболелось, просто беда... может, найдут Оленьку, ведь такая девочка хорошая...

Обе женщины опять вздохнули, а я вдруг разозлилась, потому что почувствовала, что нашу Лельку увидеть они не чаяли. Конечно, винить их было глупо, и я попробовала успо-

коиться, на это потребовалось время, в продолжение которого Женька активно поддерживала разговор. Выяснить удалось немного. В тот день, когда исчезла Лелька, примерно с трех часов старушки были во дворе, но отдыхали не на этой скамейке, а на той, что возле второго подъезда. Марья Петровна вышла погулять со своей собакой, дворняжкой по кличке Пушок, тот развлекался самостоятельно, а хозяйка обсуждала последние новости. Второй подъезд как раз на выезде со двора.

– А чужих машин во дворе в тот день не было? – спросила Женька.

– Так у нас во дворе никто машины не ставит. Еще года три назад Новиковы возле своего окна столб врыли, теперь и не проедешь. «Скорую» Иванычу из двенадцатой вызывали, так ей пришлось с того двора мимо гаражей подъезжать, тогда еще Петровна, жена его, с Новиковыми разругалась, мол, с их столбом мы тут погорим все и пожарка подъехать не сможет. Конечно, права Петровна, но и Ларису понять можно, ведь, пока столб-то не врыли, под их окнами машины ставили все кому не лень. Мало того, что ни свет ни заря подъезжают, так еще прямо тут же их и моют, вся грязь по асфальту.

– А где же тогда оставляют машины? – влезла я.

– У нас машин почти ни у кого нет, а ставят под окнами с той стороны. – Старушка имела в виду улицу, на которую выходил фасад дома. От проезжей части дом отделяли ши-

рокий тротуар, затем газон с высаженными вдоль всей дороги кустами боярышника, к тому же, если я ничего не путаю, в трех шагах от магазина находится знак «Стоянка запрещена». Если предполагаемый похититель оставил машину там, то рисковал нарваться на вездесущих сотрудников ГАИ. Если он не дурак, то должен избегать риска.

В этот момент из-за угла избушки на курьих ножках прямо к моим ногам бросился персиковый пудель. Занятая своими мыслями, я не сразу его заметила и вздрогнула от неожиданности. Пудель был в ошейнике и волок за собой тонкий поводок.

– Смотри-ка, сбежал, – заволновалась одна из старушек и попыталась схватить поводок, однако пудель успел отскочить и припустился к ЖКО. – Чья собака-то? – удивилась женщина и даже приподнялась со скамьи, оглядывая двор. – Ведь выскочит на улицу и потеряется...

– А это не та, что позавчера здесь бегала?

– Когда?

– Ну... перед тем как Оленька пропала, помнишь, по двору-то носилась?

– Да нет.

– Чего нет, точно эта, рыжая.

– Ну и что, что рыжая, этот пудель.

– Да, точно, он и был...

– Чего ты выдумываешь? Не было у той собаки поводка, и порода другая. Уши длинные, кудрявые, забыла, как такая

порода называется... – В этот момент из подъезда по соседству вышла молодая женщина, и старушка громко позвала: – Галя, позавчера по двору собачонка бегала, рыженькая, помнишь? Как она называется?

– Коккер-спаниель, что ли? – ответила Галя.

– Ага. Слышала? – повернулась она к своей соседке. – Коккер-спаниель, а это пудель.

– Может, и спаниель, только похожа...

Они продолжили болтовню о собаке, а я неожиданно замерла, чувствуя, как забилось сердце при слове «коккер-спаниель». Дело в том, что Лелька мечтала о собаке, а точнее, как раз о коккере. Я даже хотела подарить ей щенка, но родители были категорически против, и от идеи пришлось отказаться.

Боясь спугнуть удачу, я спросила осторожно:

– А вы не помните, когда потерялся этот коккер, то есть когда вы его заметили?

Старушки переглянулись.

– Марья Петровна с Пушком вышла, и этот рыжий к нему подскочил, – подумав, ответила старушка, и вторая согласнo кивнула. – Марья Петровна на него внимание и обратила. Говорит, не наша собака, прибежала откуда-то, неужто потерялась. Еще позвать ее хотела, уж больно жалко, красивая...

– А что потом?

– Что? – не поняли они.

– Что потом случилось с собакой?

– Ничего. Убежала, наверное.

– И вы ее больше не видели?

Старушка плечом пожала.

– Не знаю... Нет... Тут Верочка вышла и стала Оленьку искать, не до собаки было...

– Не было во дворе собаки, – сказала вторая старушка. – Она к детской площадке убежала, это я видела. Марья Петровна еще звала ее, Пушок за кошкой бросился, за Ларисиной, и Петровна за ним, а когда опять про коккера-то этого вспомнила, глянула на площадку, а его там и нет.

– А Оля в тот момент была в песочнице?

Старушки переглянулись.

– В первый раз точно была, – ахнула первая. – Собачка-то к ней и бросилась, она руки расставила, а потом гладить ее начала.

– Вот-вот, – подхватила вторая. – Оленька в песочнице была. Я еще Петровне говорю, может, Дунаевы собаку купили, а она, говорит, нет, Игорь у них собак не любит и на Пушка всегда злится, а уж чего злиться-то, словно он кому мешает... Была Оленька, точно была.

– А во второй раз? Когда Марья Петровна решила коккера позвать?

– Не знаю, – испуганно ответила одна из наших собеседниц. – Внимания не обратила. Вроде пустая песочница, хотя, может, Оленька согнувшись сидела, и я не заметила.

– Не было никого, – вдруг с уверенностью заявила ее при-

ательница. — Я ж поднялась домой идти и в ту сторону посмотрела. Тебе не видно было, а мне видно: пустая песочница.

— А в тот момент, когда собака к Оленьке подбежала, кто-нибудь из детей был с ней в песочнице?

— Были. Близнецы из третьего дома.

Мы с Женькой переглянулись и поспешно поднялись.

— Из третьего дома, а квартиру знаете?

— На втором этаже, в любую позвоните и спросите. Мать у них не работает, так что, скорее всего, дома.

— А Марья Петровна в какой квартире живет? — опомнилась я.

— В пятнадцатой. К ней пойдете? Вы не сомневайтесь, я все точно запомнила, когда собачонка в ту сторону бросилась, девочка в песочнице играла, а через несколько минут там никого уже не было.

— Я и не сомневаюсь, — заверила я, — просто узнать хочу, не видела ли она этого коккера раньше.

Женька шагала вслед за мной к подъезду и хмурилась.

— Думаешь, Лельку со двора выманила собака?

— А ты что думаешь? — огрызнулась я.

— Похоже на то. — Женька вздохнула. — Заметь, если бабка ничего не путает, пес к Лельке бросился, как к родной, и она в объятиях руки развела. О чем это нам говорит?

Я сбилась с шага.

— Девочка знала собаку?

– Ага. Они знали друг друга – девочка и собака, а точнее будет сказать, девочка и хозяин собаки.

– И менты до этого не додумались? – усомнилась я.

– А кто им про это рассказал? – хмыкнула Женька. – В общем, подруга, как ни паршива эта мысль, а придется остановиться на ней: ребенка умыкнул человек, ей хорошо знакомый или, по крайней мере, известный как хозяин собаки.

– Это еще надо проверить, – отмахнулась я, мы как раз вошли в подъезд, поднялись на второй этаж и позвонили в квартиру под номером пять. Дверь открыла девчушка лет десяти.

– Где у вас близнецы живут? – осведомилась Женька, девчушка ткнула пальцем в нужную квартиру и скрылась. Мы опять позвонили и долго ждали. Дверь пятой квартиры вновь открылась, и все та же девчушка заявила:

– Они в парикмахерскую ушли, тетя Тоня говорила...

– Что ж, – вздохнула подружка, – пока навестим Марью Петровну.

С Марьей Петровной нам повезло больше: она оказалась дома, дверь открыла сама, визиту не удивилась и пригласила нас в кухню пить чай. Повздыхала о пропавшем ребенке и бедной Верочке и заявила:

– Милиция всех допрашивала, и никто ничего не видел. А ведь полон двор народу. Подумать только...

– Марья Петровна, – возвысила я голос, пресекая тем самым Женькину попытку вклиниться в разговор, – соседки

ваши сказали, что вы в это время с собакой гуляли. А во сколько из дома вышли, не вспомните?

– На часы-то я не смотрела... знать бы, что такое дело... – В этом месте женщина вдруг оживилась, приподнялась и даже хлопнула рукой по столу. – Я «Смехопанораму» посмотрела, тут Пушок возле двери завертелся, я чашку чая выпила и в комнату вошла телевизор выключить. «Новости» как раз кончились. Выходит, пятнадцать минут четвертого было. Точно. Я поводок искала, не нашла, ну и без поводка отправилась. Это еще пять минут.

– Понятно. А рыжий коккер-спаниель появился сразу?

– Да минут пять прошло, не больше.

– А что было дальше?

– Пушок мой за котом увязался...

– Нет, до этого, – перебила я. – Он с вашей собачкой гулял?

– Нет, побежал к детской площадке... Батюшки мои, он ведь к Оле бросился, Сергевна еще сказала, может, Дунаевы собаку завели? А когда я своего охламона от кота оттащила, посмотрела на детскую площадку, а в песочнице никого. И собаки во дворе я больше не видела.

– То есть в последний раз вы видели Олю вместе с этой собакой, а потом ни собаки, ни девочки?

– Выходит, так...

– А раньше вы этого коккера здесь не встречали?

– Нет, не припомню. У нас во дворе собак немного, у меня

да у Волковых, еще в доме, где ЖКО, овчарку держат, но они во дворе не гуляют. Нет, позавчера я его в первый раз увидела, еще решила, что потерялся. Красивый, жалко...

Не придумав, о чем еще спросить Марью Петровну, мы простились и покинули ее.

– По времени все сходится, – возбужденно зашептала Женька. – В половине четвертого Вера видела Лельку в окне, а через несколько минут ребенок исчез. Ты права: совершенно очевидно, с площадки она ушла с собакой...

– Теперь надо эту собаку найти.

– Где ж мы ее искать будем? – усомнилась Женька. – В городе собак как грязи, и коккер-спаниелей среди них чертова прорва.

– Кое-что лучше, чем ничего, – заявила я, и Женька вынуждена была со мной согласиться.

Мы вышли из подъезда и почти столкнулись с молодой женщиной в цветастом платье. Она вела двух мальчиков лет пяти, одетых в одинаковые костюмчики, впрочем, мальчики тоже ничем не отличались друг от друга. Маловероятно, что в таком дворе, как этот, живут две пары близнецов, и Женька начала с места в карьер:

– Простите, это ваши дети играли в песочнице с пропавшей девочкой?

– А что? – растерялась женщина и с испугом прижала к себе обоих мальчишек.

– Я из газеты, – сообщила Женька и сунула под нос жен-

щине свое удостоверение.

– Они ничего не видели, – торопливо заверила мать симпатичных близнецов. – Я их как раз обедать позвала. Не успели поесть, а во дворе шум: Оленька пропала... Ужас. – Она передернула плечами и еще крепче прижала к себе мальчишек.

Я наклонилась к ним и с улыбкой спросила:

– А собачку вы видели? Смешную такую, рыжую? – Один из близнецов уткнулся в подол матери, а вот второй посмотрел на меня с интересом. – Видели? – повторила я, и он в ответ кивнул. – А как собачку звали, Оля не сказала?

– Сказала, – обрадовался ребенок. – Баксик.

– А чей это пес, Оля говорила?

– Ага. Тети-Людин.

– Какой тети Люды? – едва не упав в обморок, спросила я.

– Не знаю. Она сказала, что он от тети Люды убежал.

– И повела собачку к ней?

– Нет, она ее гладить стала, а мама нас позвала, и мы ушли.

– А потом опять гуляли?

– Нет, мама нас больше не пускала.

– Какое теперь гулять, – вздохнула женщина, – только за руку.

– А раньше вы Баксика в вашем дворе не видели? – заторопилась Женька.

– Нет, – покачал головой малыш, но тут заговорил его брат:

– Мы его в соседнем дворе видели, вон там. – И ткнул пальцем в сторону сараев.

Все испортила его мать:

– А как вы в чужой двор попали?

– Оле разрешали, – в два голоса плаксиво затянули они.

– Разрешали, вот потому Оля и пропала. Нельзя из своего двора уходить.

Когда все трое закончили перебранку, на наши вопросы мальчишки отвечали неохотно и все больше косились на мать. Ничего стоящего добиться от них мы так и не смогли. Женщина начала нервничать, и нам пришлось убраться во-свояси.

– Чего теперь? – спросила Женька, точно я в самом деле знала ответ на ее вопрос.

– Пройдемся по улице, – предложила я.

– Зачем? Коккера искать? Так от него поди и ушей не осталось... – Но за мной все-таки пошла.

Мы прогулялись вдоль фасада дома. Знак «Стоянка запрещена» находился на положенном месте, «Жигули» и старенькая иномарка притулились возле тротуара, должно быть, принадлежали они жильцам, чьи окна выходили на эту сторону.

– Да, тут от досужих взглядов не укроешься, – заметила Женька.

– Вот именно. К тому же ребенка, садящегося в машину, мог увидеть кто-то из окна.

– Тогда в соседний двор потопали. Далеко ножками двигать похитителю не с руки, и где-то он тачку свою приткнул.

– Похитительница, – поправила я. – Лелька сказала: тетя Люда.

– Женщина украла чужого ребенка? – не поверила Женька. – Что-то я о маньячках не слышала. А бомжихи с симпатичными коккерами в электричках не побираются.

Если честно, к рассуждениям подружки я не очень-то прислушивалась, потому что чувствовала: мы на верном пути, собака и ее хозяйка, скорее всего, причастны к похищению.

Соседний двор был значительно больше, и детская площадка соответственно тоже. Дома пятиэтажные и насчитывали по четыре подъезда.

Первым, кого мы встретили в этом дворе, был персиковый пудель, он несясь нам навстречу, не разбирая дороги. Грозный женский окрик пресек его попытку покинуть двор. Полная женщина с очень важным лицом сидела на скамейке и погрозила питомцу поводком. Женька неожиданно заехала мне локтем в бок и устремила к женщине, хотя я бы на ее месте не спешила, такие тетки, как правило, не очень-то разговорчивы. Но Женьке повезло, хозяйка пуделя вовсе не была такой уж грозной.

– Простите, – голосом потерявшегося ребенка начала канючить подружка. – Вы не видели здесь рыжего коккера по кличке Баксик?

– Нет. А что, у вас собачка потерялась?

– Да. Два дня назад. Дети из соседнего дома сказали, что видели здесь похожую собаку.

– А ведь точно, бегал песик, симпатичный такой. Но ни вчера, ни сегодня я его не видела.

– А когда вы его видели? – заходясь от восторга, спросила Женька.

– Позавчера. Они еще с Тошкой играли...

– А когда это было, днем или вечером?

– Днем. Вечером я его точно не видела, а днем бегал... впрочем, вряд ли это ваш песик, по-моему, он был с хозяйкой.

– По-вашему или точно с хозяйкой? Вы простите мою назойливость, но я очень переживаю из-за собаки, – опомнилась подружка.

– Что вы, я понимаю. Если бы Тошка пропал, я бы, наверное, не пережила... Думаю, он был с хозяйкой. По крайней мере, раньше я видела молодую женщину с коккером на поводке. Она здесь не живет, может, к кому-то в гости приходила или прогуливалась.

– Когда раньше? – решила уточнить я.

– Ну... на той неделе, два раза. Дни я не помню, но пятница или суббота точно.

– А как выглядела женщина? – задала Женька очень важный вопрос.

Дама задумалась, изо всех сил пытаюсь вспомнить, и, на-

верное, по этой причине не поинтересовалась, с какой стати мы ее допрашиваем.

– Молодая, брюнетка, довольно высокая. Один раз я ее видела в джинсах, а другой в узеньких таких шортах, не шорты, а нижнее белье какое-то. Просто ужас, что иногда на себя молодежь напяливает.

– А лицо ее вы запомнили?

– Лицо как лицо. Загорелая очень, симпатичная как будто. А зачем она вам? Думаете, такая могла собаку присвоить?

– Всякое бывает, – вздохнула я.

– Да, времена такие... вон в соседнем доме ребенок пропал, не то что собака. Хотя родители тоже хороши, за детьми смотреть надо...

Мы поспешно удалились, извинившись, выслушивать лекцию по педагогике настроения не было.

Пока я думала, как использовать полученные сведения, Женька рысью устремила к ватаге мальчишек, игравших в футбол в другом конце площадки. Подружка смогла-таки собрать вокруг себя юных спортсменов, продемонстрировала свое удостоверение и задала вопрос: видел ли кто из них коккера? Через двадцать минут, заполучив головную боль от галдежа, который они подняли, перебивая друг друга, мы выяснили следующее: ни у кого в домах по соседству коккера не было, но собаку все же несколько раз видели на прошлой неделе, с ней гуляла женщина, опять же не из местных. И позавчера она точно была здесь, Вовка еще чуть мячом в нее

не залепил, когда она по дорожке шла, а тетка ругаться не стала, отвернулась и зашагала быстрее.

– А Олю Дунаеву кто-нибудь из вас знает? – спросила я.

– Это ту, что пропала? Она ж маленькая, мы на малышню внимания не обращаем.

– А позавчера никто не видел ее с коккером?

Мальчишки задумались, а потом друг за другом принялись отрицательно качать головами.

– Не-а. У нас менты уже спрашивали про эту девчонку... не видели.

– Я видел, – неуверенно заявил веснушчатый мальчишка лет десяти в черной футболке с надписью по-английски «Полюби меня», – только не во дворе. Она собаку на поводке вела. А сзади вроде тетка шла. Но точно не помню. Девчонка с кем-то разговаривала, и сзади кто-то шел, но, может, она с собакой болтала...

– А где ты ее видел?

– Вон там, на углу, – махнул он рукой. – Меня мамка домой загнала обедать, и я в окно видел собаку и девчонку эту. Собака на задние лапы встала, так смешно, девчонка смеялась, и я засмеялся. Собаку Бакс зовут, я слышал, как его девчонка называла, окно-то у нас открыто, а я рядом сидел...

– А во сколько это было, не скажешь? – с надеждой спросила я.

Он пожал плечами:

– Позавчера, днем.

– А потом ты на улицу вышел?

– Нет, мы с мамкой к бабушке поехали, а когда вернулись, здесь менты уже всех расспрашивали...

– А мама твоя сейчас дома?

– Дома, – кивнул он. – Пойдемте, я вам заодно покажу, где девчонку с собакой видел.

Мы свернули за угол, я не выдержала и спросила:

– Что же ты милиционерам не рассказал, что видел девочку?

– Так они чего спрашивали: видел ли я Олю Дунаеву, а я таких даже не знаю. Фотографию показали... она совсем и не похожа. А вы про собаку спросили, собаку-то я помню, и никакой фотографии не надо... Вот здесь, – замер он, а потом поднял голову к кухонному окну прямо над нами. Несмотря на первый этаж, окно располагалось высоко, я до него вряд ли дотянусь рукой.

– В какую сторону они шли?

– Вон туда...

В направлении, указанном мальчишкой, находился еще один дворик, скрытый от досужих глаз бывшей котельной. Идеальное место, чтобы спрятать машину. Мы с Женькой резво зашагали к подъезду. Пока добрались до квартиры, где жил мальчишка, успели с ним познакомиться. Звали его Антон, жил он вдвоем с матерью и вскоре собирался стать автогонщиком, а пока с удовольствием играл в футбол.

Дверь нам открыла женщина лет сорока, посмотрела на

нас, на сына, нахмурилась и рывкнула:

– Чего опять натворил?!

Женька встала на защиту невинного отрока, долго и нудно объясняя, что к чему, а я переминалась с ноги на ногу, с нетерпением ожидая, когда можно будет задать свой вопрос. Перефразируя известное выражение «чесались руки», можно было смело сказать, что у меня чесался язык. По всему выходило, что мы на верном пути и появился шанс отыскать Лельку... Наконец Женька закончила свои объяснения, мать Антона заметно смягчилась и пригласила нас в кухню. Не удержавшись, я выглянула в окно. Если неведомая Людмила шла по тротуару ближе к дому, Антон ее увидеть не мог, соседский двор отсюда тоже не просматривался. То, что хозяйка спаниеля – хорошая знакомая Дунаевых и Лелька вместе с ней покинула двор, стало мне совершенно ясно. Правда, оставался еще вопрос времени.

– Вы не вспомните, в котором часу позавчера позвали Антошку обедать?

– Когда позвала, не помню, а вот когда посуду мыла, посмотрела на часы: пять минут пятого. Мы к бабушке собирались, а автобус-экспресс с остановки отходит в 16.30. Остановка рядом, и сумка собрана, ну я посуду домыла, и мы пошли. Бабушка у нас в Озерном живет, – добавила мать мальчишки, – на троллейбусах две пересадки, вот и ездим экспрессом.

Последние сомнения меня оставили: время совпадало, и я

могла приблизительно представить, как произошло похищение. Ребенок играл в песочнице, к ней подбежала знакомая собака, друзей-мальчишек в этот момент позвали домой, а наша Лелька отправилась к хозяйке коккера, либо та сама ее позвала, они покинули детскую площадку и прошли во дворик за котельной, где их ждала машина. Тетя Люда могла попросить Лельку проводить их до этой самой машины, что ребенок и сделал. А дальше очень просто: девочку впихнули в кабину, да так, что она и пикнуть не успела, и увезли.

Простившись, мы вышли из подъезда, я заторопилась к дому, где жили Дунаевы, а Женька, словно прочитав мои мысли, вдруг заявила:

- Зачем ей это?
- Кому? – не сразу поняла я.
- Тете Люде. Зачем ей понадобилось увозить ребенка?
- Понятия не имею. Сейчас спросим у Игоря, они должны ее знать...
- Ты думаешь? – не поверила Женька.

Атмосфера в квартире Дунаевых накалилась до предела, горе присутствовало здесь зримо, как нечто материальное. Вера сидела на диване в обнимку с сестрой, Игорь все еще вышагивал по гостиной, время от времени замирая перед телефоном. Я вздохнула, совершенно не зная, как начать разговор, но Женьке в отличие от меня не терпелось выложить полученные сведения, и она, подойдя к Игорю, взяла его за

руку, таким образом пытаюсь привлечь внимание к своей особе, и спросила:

– У вас есть знакомая по имени Людмила?

Он уставился на Женьку, явно не понимая, что от него хотят:

– Что?

– Знакомая по имени Люда?

– У нас полно знакомых, может, и есть, – отмахнулся он.

Вера приподняла голову и спросила:

– Какая Людмила?

– Слушай, – садясь рядом с ней, начала я. – Лелька мечтала о коккер-спаниеле, у кого из ваших знакомых есть такая собака?

– У моей матери, – отозвался Игорь. Мать его жила в Севастополе.

– А еще у кого? Вспомните, это очень важно...

– Нет... – помолчав немного, ответил Игорь. – Я терпеть не могу собак, и люди, которые держат их в квартирах, вызывают у меня недоумение. У моих знакомых точно нет никаких коккеров. – Он выразительно посмотрел на жену. Вера растерянно огляделась, потерла лицо ладонями и покачала головой в ответ.

– Лелька ушла со двора с коккером и женщиной по имени Людмила! – выпалила Женька, и на мгновение все замерли.

– С женщиной? – первым придя в себя, спросил Игорь.

– С женщиной, – кивнула Женька. – Причем они были

знакомы, потому что Лелька сказала детям, что собака тети-Людина.

– Чушь какая-то, – пробормотал Игорь, а Вера закусила губу, уставившись на свои руки.

Я коснулась ее ладони и спросила как можно мягче:

– Вы разрешали Лельке играть в соседнем дворе?

– Иногда. Там площадка большая, и это совсем рядом, за сараями...

– Вспомни, может, ты где-то когда-то познакомилась с этой женщиной?

– Не я, – тихо заплакала Вера. – Это Лелька с ней познакомилась. Пришла на прошлой неделе и сказала, что играла с коккером. Еще купить такого же просила. Игорь не разрешил. Теперь я вспомнила, она сказала: «Тетя Люда разрешила мне на поводке его поводить». Как раз в том самом дворе...

Игорь бросился к телефону и стал звонить в милицию, сбивчиво объяснил, что удалось узнать. Итак, Лельку похитила женщина, высокая, темноволосая, с рыжей собакой на поводке.

– Сексуальных маньяков можно смело отбросить, – вещала Женька, устроившись в кресле. – Маньяки ходят в одиночку, у них психика такая... Молодая женщина несколько дней появлялась во дворе, смогла познакомиться с Лелькой, а потом зачем-то ее увезла. – Подружка воодушевлялась все больше, а Игорь вдруг побледнел, выронил из рук трубку и

спросил:

– Ты думаешь...

Я так и не поняла, что он имел в виду, потому что Наташа, переглянувшись с сестрой, вскрикнула: «Господи!», прижимая руку к груди, а Вера закатила глаза и хлопнулась в обморок.

– Мы влезли в семейную тайну, – хмуро сказала Женька, когда мы возвращались домой.

– С чего ты взяла? – спросила я, хотя думала о том же.

– Уж очень необычная реакция у родителей и Веркиной сестры. Что-то им о тете Люде известно, весть о ее появлении испугала не меньше сексуального маньяка.

– Люди не спят третьи сутки, – урезонила я подругу.

– Удивляюсь, как ты можешь детективы писать, у тебя ж творческое воображение не развито...

– Зато у тебя с избытком.

– Нет, ты вспомни, как все было: одна и та же мысль разом пришла в голову всем троим, в результате – бледный Игорь, испуганная Наташка и Верка в обмороке. Это наводит на размышления. Положительно, здесь кроется какая-то тайна.

– Мне плевать на тайны, лишь бы Лельку найти.

– Вот тут ты не права: найти ребенка можно, только разобравшись во всем. Смотри, что получается: менты решили, что ребенка похитил какой-то псих, обежали дворы, опросили народ, и все с нулевым результатом, никто ничего не видел. А мы с тобой прогулялись малость и кое-что выню-

хали...

– Ну, куда до нас ментам, – усмехнулась я.

– Не вредничай, я не к тому, чтобы нас похвалить, а к тому, чтобы мысль проиллюстрировать: в этом деле нужен особый подход. И для начала было бы неплохо выяснить, что тут за семейная тайна.

– Нечестно без разрешения лезть в чужую жизнь, у людей страшное горе...

– Так мы и лезем для того, чтобы горю помочь...

Мы вошли в мою квартиру, и прения прекратились, потому что из кухни появился Роман Андреевич в фартуке и, взглянув на нас, спросил:

– Есть новости?

– О Лельке никаких. Но нам удалось кое-что узнать.

– Кому это вам? – насторожился Роман Андреевич.

Пришлось рассказать ему о проведенном расследовании. Это потребовало времени, в течение которого он успел нажарить картошки и приготовить салат, а мы с подружкой вспомнили, что весь день ничего не ели, и почувствовали страшный голод.

Рассказ произвел на мужа впечатление, он покачал головой, между прочим, уважительно, хотя всегда боролся с нашими замашками сыщиков (если честно, у него есть на то причины). Так вот, выслушав нас и одобрительно покачав головой, Роман Андреевич заявил:

– Выходит, операция была заранее спланирована: баба эта

шлялась несколько дней по двору с собакой, познакомилась с Лелькой, а затем ее увезла.

– Вот-вот, – зашептала Женька, – а еще реакция родителей.

– Думаешь, они догадываются, кто это сделал?

– Ну, я не стала бы делать столь поспешные выводы, но одно несомненно: таинственную тетю Люду надо искать в прошлом семьи Дунаевых.

– Хорошо, – сказал Роман Андреевич, а я нахмурилась:

– Чего ж хорошего?

– Если все так, как я думаю, ребенок жив-здоров. А это главное. – Мы с Женькой открыли рот, но что такого он думает, Роман Андреевич объяснить не пожелал, ответив туманно: – Внутрисемейные проблемы, которые пытаются разрешить таким вот подлым способом.

Посидев, поскучав и ничего путного не придумав, мы с Женькой разошлись по домам, то есть это Женька ушла к себе, я-то как раз сидела в собственной кухне. Роман Андреевич дважды звонил по телефону и с кем-то разговаривал, упоминая фамилию Дунаевых, но, возвращаясь в комнату, пожимал плечами и прятал от меня глаза.

Утром я первым делом позвонила Вере: никаких известий о Лельке. Милиция, вняв нашим словам, начала искать даму с собакой, но пока безуспешно. Роман Андреевич отправился на работу, а я решала, сразу ли ехать к Дунаевым или попытаться приготовить мужу обед, горе горем, но питаться он

чем-то должен. Роман Андреевич мужчина крупный, и аппетит у него хороший, и то, что он до поры до времени молчит и ни на что не жалуется, вовсе не означает, что я должна довести его до голодной смерти.

Вздохнув, я принялась чистить картошку, с грустью констатируя, что о работе над детективом теперь и речи нет, и как я буду объясняться в издательстве, ведомо одному господу. Потом я подумала о Лельке и заревела, так мне тошно стало, и тут раздался звонок в дверь. Разумеется, на пороге я обнаружила Женьку.

– Всю ночь кошмары снились, – заявила она, пройдя в кухню. – Надо что-то с этим делать.

– С кошмарами?

– Нет, со всем этим... Лельку надо найти, вот что...

Я вздохнула и устроилась напротив Женьки.

– Рома вчера звонил и сегодня – ничего нового. Еще раз всех опросили и даже словесный портрет составили...

– А фоторобот? Ведь мальчишки ее видели...

– Про фоторобот ничего не говорили, к тому же мальчишки такой народ, напридумывают с три короба...

– Ну, не скажи. Если б не они, ничего бы мы об этой Людмиле не узнали. – Женька насупилась, взглянула исподлобья и закончила: – Не дает мне покоя эта семейная тайна... Менты их расспрашивали?

– О чем? – не поняла я.

– Сдается мне, Дунаевы догадываются, кто мог увести ре-

бенка.

– Ромка тоже так думает.

– Позвони ему, может, есть новости.

Я позвонила, но и у мужа новостей не было.

– Странно, – вроде бы разозлилась Женька. – Не знаю, что у них за тайна, но рассказать о ней милиции они просто обязаны, если хотят ребенка найти.

– По-моему, ты слишком увлеклась своими фантазиями, – попыталась я урезонить подружку.

– Ничем я не увлеклась, – отмахнулась она. – Ты к Дунаевым поедешь?

– Конечно.

– Я вот что подумала: надо народ в том тихом дворике поспрашивать, вдруг кто-нибудь машину видел и запомнил номер?

– Так милиция наверняка всех опрашивала.

– Ой, не волнуй меня, я знаю, как они опрашивают. Поехали.

– Поехали, – кивнула я, мысленно попросив прощения у Романа Андреевича, потому что выходило, что и сегодня не судьба ему пообедать.

– Возьми машину, – выходя из подъезда, сказала Женька. – Вдруг куда съездить понадобится.

Моя машина была в гараже. Гараж у нас один, а машины две, свою Роман Андреевич бросает возле дома и в настоящий момент отбыл на ней на работу. Красный «Фольксва-

ген» два года назад подарила мне мама, точнее, ее муж, за что с тех самых пор я относилась к нему с дочерней любовью. Правда, машине было уже семь годков, и последнее время она начала меня тревожить, так что, если отчим хочет сохранить мою привязанность, пора ему задуматься, мужчина он преуспевающий во всех отношениях, и сокрушительного удара его бюджету такая покупка не нанесет.

Гараж располагался в соседнем дворе, туда мы и направились, причем молча. Женька была всецело поглощена своими мыслями и обо мне вроде бы вовсе забыла, чему, признаться, я не огорчилась. Мы распахнули ворота, я выехала на «Фольксвагене», а Женька торопливо заперла гараж и устроилась рядом со мной.

– Давай сначала во двор, – сказала она тоном, не терпящим возражений.

Двор был пуст, если не считать двух котов, с комфортом расположившихся на скамейке. Тут надо пояснить, что этот двор собою представлял: длинная неширокая лужайка между двумя рядами кирпичных сараев. Первый ряд относился к тому самому двору со спортивной площадкой, на которой мы вчера познакомились с мальчишками. Сюда вел узкий проход от дома, где жил Антон, но машина вполне могла заехать со стороны улицы Гоголя. К тому же вряд ли она кому-то здесь бросилась бы в глаза, особенно если поставить ее поближе к выезду со двора. Еще вчера мы решили, что это прямо-таки идеальное место. Второй ряд кирпичных сараев

выходил в следующий двор, огромный и захламленный, там начиналась улица Кирова, сплошь состоявшая из новостроек. Покрутив головой минут пять, я пригорюнилась, а Женька скривилась, и было с чего. Из тех домов, что слева, пространство между сараями не увидишь, а справа высились двенадцатизэтажки, я взглянула на окна-соты и тоже скривилась. Такое количество квартир за неделю не обойдешь, а вероятность успеха почти нулевая: время идет, через несколько дней ни один человек не в состоянии будет вспомнить, какую машину и когда он видел.

– Пошли отсюда, – махнула рукой Женька, но направилась не к «Фольксвагену», а к многоэтажкам. Я последовала за ней, не понимая, чего ей там могло понадобиться, и вдруг, почувствовав пристальный взгляд, подняла голову и замерла с сильнейшим сердцебиением. На балконе второго этажа ближайшего к нам дома в инвалидной коляске сидел мальчишка лет тринадцати и внимательно наблюдал за нашими передвижениями. Я прикинула расстояние и сообразила, что с его балкона лужайка между сараями должна просматриваться полностью. Я зашагала торопливо и едва не налетела на Женьку.

– Ты чего? – проворчала она.

– Подними-ка голову, – шепнула я, не желая, чтобы парнишка меня услышал. Женька вняла совету, и в глазах ее мелькнуло озарение. За что я уважаю подружку, так это за то, что сообщает она быстро (когда хочет).

Последовавшая за этим сцена чем-то напомнила известную басню «Ворона и Лисица». Задрав голову, Женька с подхалимским видом улыбнулась и начала ласково:

– Эй, как дела?

– Это вы мне? – удивился парнишка.

– Кому же еще, раз здесь ты, я да моя подружка.

– А чего вы здесь ищете? – в свою очередь спросил он.

– Машину.

– Какую еще машину? – Парень явно стал проявлять интерес к разговору.

– Ту самую, что в воскресенье стояла здесь, где-то около четырех часов дня. Ты в это время чем занимался?

– Читал.

– Жаль. Я думала, ты ее видел. Выходит, не судьба.

– Серебристый «Део»?

– Понятия не имею. Так здесь стоял серебристый «Део»?

– Ну...

– В котором часу ты ее заметил?

– Я телик посмотрел и потом стал читать на балконе. А машина вон там стояла, ближе к дороге.

– А что по телику смотрел?

– «Смехопанораму».

– А кто в машину садился, видел?

– Нет. Видел, как она отъезжала. Мотор заработал, я голову поднял.

– А номер, номер не заметил случайно?

– Я даже не обратил на него внимания, – огорченно показывал головой парнишка и тут же спросил: – Вы девочку ищите, да? Ту, что пропала?

– Да, – кивнула я. – К вам из милиции приходили?

– Да они здесь вчера полдня болтались, спрашивали про девочку и про собаку...

– Спасибо тебе, – вздохнула я.

– Если б я знал, номер записал бы обязательно...

– Конечно, – кивнули мы с Женькой и зашагали к «Фольксвагену».

– Надо звонить в милицию, – разволновалась подружка. – Серебристый «Део» – уже кое-что. Может, его еще кто видел и номер запомнил. А эти олухи сначала собаку проворонили, теперь машину... Ничего доверить нельзя... – Я никак не реагировала на Женькины слова, и она спросила обиженно: – О чем задумалась?

– О серебристом «Део», – ответила я. – Помнишь, на даче такой проезжал, Верка еще беспокоилась, вроде бы видела его раньше в городе, помнишь?

– Нет, – созналась Женька, что делало ей честь, обычно она, и зная, и не зная, обо всем осведомлена лучше всех. Я начала рассказывать, а подружка кивать, таким образом мы достигли машины и через несколько минут уже тормозили напротив дома Дунаевых. Я с опозданием вспомнила, что во двор к ним заехать нельзя, а оставлять машину здесь очень не хотелось, потому что знак «Стоянка запрещена» только

что порадовал глаз.

– Зря на машине поехали, – буркнула я, а Женька недовольно нахмурилась:

– Ничего с твоей тачкой не сделается. – Хорошо ей говорить, свою-то она давно разбила.

Дверь нам открыла Наталья, должно быть, мы ее разбудили: лицо заспанное, глаза красные, точно она перед тем, как уснуть, долго плакала.

– Как дела? – спросила Женька, а она зашептала:

– Проходите, Верочка только-только прилегла. «Скорая» приезжала, давление у нее подскочило до 180, сделали уколы, теперь спит.

– О господи, – испугалась я, – только этого не хватало. А где Игорь?

Простой вопрос поверг Наталью в смущение, она вдруг покраснела и торопливо произнесла:

– По делам отлучился...

– По каким таким делам? – насторожилась я.

– Я не знаю... – Врать Наташка не умела и теперь чувствовала себя скверно, хмурилась и отводила глаза. Чудеса.

– А мы кое-что узнали, надо в милицию звонить, думаю, Лельку увезли на серебристом «Део».

В милиции наш рассказ особого впечатления не произвел. В какой-то момент я вдруг поняла, что мы здорово действуем на нервы стражам порядка своим самостоятельным расследованием. Роман Андреевич, кстати, тоже нервничает, а

между тем нам без конца повторяют, что с родной милицией надо сотрудничать.

– Ничего они не сделают без нашего чуткого руководства, – покачала головой Женька. – Прошляпят все царство небесное...

– У них людей мало, а преступлений много, – решила я вступить за блюстителей порядка.

– А-а, – отмахнулась подружка. – Давай к Ромке заедем, может, он заставит их шевелиться...

– Ромке можно позвонить.

Женька покосилась на Наталью, а потом выразительно посмотрела на меня:

– Лучше заехать...

– Чего ты темнишь? – спросила я уже на улице.

– Верка спит, чего нам здесь сидеть? Надо Лельку искать, под сидячий камень вода не течет... А куда это Игорь смотрелся, как думаешь?

– Понятия не имею.

– Что у него за таинственные дела, от которых Наташка краснеет и глаза прячет? – Тут я чертыхнулась и назад повернула. – Ты чего? – удивилась Женька.

– Сумку забыла.

– Ну и бог с ней, все равно сюда возвращаться.

– Да там ключи от тачки... – Я потрусила к подъезду, и Женька за мной. – Иди к машине, – посоветовала я.

– Какая разница, что с тобой идти, что рядом с ней ждать.

Через пять минут я решила, что это судьба, потому что внимание на почтовый ящик обратила глазастая Женька. Я и про свой-то ящик через день вспоминаю, потому прошла мимо, даже не взглянув в ту сторону, а вот Женька взглянула, остановилась и сказала:

– Там что-то есть.

И даже тогда я не придавала ее словам особого значения. Мы поднялись в квартиру, за это время Наталья успела умыться и, судя по запаху с кухни, приготовить кофе. Дверь открыла сразу.

– Ты знаешь, где у них ключ от почтового ящика? – накинулась на нее Женька.

– Вон на гвоздике висит.

Женька схватила ключ и выскочила из квартиры, а через минуту вернулась с конвертом. Конверт был подписан печатными буквами, обратный адрес отсутствовал. Судя по штампу, письмо отправили из почтового отделения номер семнадцать, это в трех шагах от Дунаевых. Особо не церемонясь, Женька вскрыла конверт и извлекла листок бумаги. Буквы печатные, неровные, точно писал ребенок. Женька начала читать вслух:

«Вера Андреевна, пожалуйста, не беспокойтесь за ребенка, ей ничего плохого не сделают».

– Да что же это такое? – всхлипнула Наташа, а мы совершенно обалдели, не зная, то ли радоваться, то ли печалиться. Наталья пошла будить сестру, а мы покинули квартиру.

– Скажи еще, что тут нет семейной тайны. Что за дурак мог сотворить все это? – злилась подружка.

– Спроси что-нибудь попроще. Лишь бы только Лельке в самом деле ничего не грозило...

Из первого же автомата я позвонила мужу, рассказала о серебристом «Део», о том, что он, скорее всего, тот самый, который мы видели на даче за несколько дней до похищения, ну и о письме, конечно, тоже. Письмо Романа Андреевича особенно заинтересовало.

– Вера Андреевна? – переспросил он. – Так и написано?

– Да.

– Чудеса...

– Почему чудеса? – насторожилась я.

– Потому что у девочки еще отец есть, отчего бы не написать: Вера Андреевна и Игорь Васильевич или граждане родители, а если они силы сэкономили, то ни к кому конкретно не обращаться...

– Что ты имеешь в виду? – удивилась я.

– Ничего. Чудеса, говорю, да и только.

– А твой муж прав, – садясь в машину, заметила Женька. – В самом деле чудеса, ведь получается вот что: вы, мол, Вера Андреевна, не беспокойтесь, а об Игоре Васильевиче речи нет. Что-то тут не то...

– Надоела ты мне с этими семейными тайнами, – отмахнулась я.

– Бог с ними, семейными тайнами, скажи-ка мне лучше:

ты Верку сколько лет знаешь?

– Ну, года четыре, наверное.

– Наверное... – передразнила подружка. – А поточнее?

– Поточнее тебе лучше знать: ты нас и познакомила.

– Не буду спорить... Она в «Вечерку» пришла сразу после декретного отпуска, а до этого работала в районной администрации.

– И что?

– Пока ничего. Давай ко мне заедем, надо позвонить в несколько мест.

– Давай лучше ко мне, – жалобно попросила я. – Пока ты звонишь, я обед приготовлю.

– Боишься, что наш бравый подполковник похудеет?

– Конечно, боюсь.

– Тады ладно, – кивнула Женька.

Обед я приготовила, а Женька все еще сидела возле телефона. Закончила говорить с кем-то и посмотрела на меня.

– Ну что?

– Вроде всех обзвонила, – почесав нос, сказала она. – Интересная штука получается...

– Какая еще штука?

– Никто из общих знакомых не видел нашу Верку беременной.

Честно говоря, соображать я начала не сразу. Постояла, открыв рот, и по прошествии нескольких минут охнула:

– Вот это да... Ты думаешь?..

– Думаю, – кивнула Женька.

– Похоже на правду, – вынуждена была я согласиться. – Тогда реакция родителей на появление тети Люды понятна, да и ясно становится, кто и по какой причине умыкнул ребенка. Наша Лелька – приемная дочь Дунаевых, а настоящая мамаша вдруг объявилась после шести лет отсутствия и решила вернуть ребенка.

– Ага, причем Игорь с Веркой, скорее всего, знают, кто она такая, и Игоря мы не застали дома, потому что он ищет эту самую мамашу.

– А почему не заявили в милицию?

– Ну, это совсем просто: они не хотят, чтобы кто-то узнал, что Лелька – их приемная дочь.

– Вот мы тут напридумывали черт-те чего, а может, все это ломаного гроша не стоит. То, что Верку не видели беременной...

– Лично я предпочитаю, чтобы Лелька сейчас была со своей матерью, хоть и чокнутой. Мать – это мать, и ребенок с ней в безопасности. А догадки можно проверить. Поехали к Дунаевым.

– Ты что, у Верки спросить хочешь? – вытаращила я глаза. – Ей и так здорово досталось.

– Я хочу у Наташки спросить, она должна знать. Поехали.

Однако Натальи мы у Дунаевых не застали. Из района приехала мать Веры и сейчас находилась с ней, а Наталья отправилась домой проведать своих мальчишек, которых вос-

питывала без отца, невесть куда испарившегося года два назад после очередного отчаянного запоя. Был слух, что при желании его можно обнаружить на колхозном рынке в компании безногого индивида и третий год подряд беременной леди неопределенного возраста, но Наталья слух этот близко к сердцу не принимала и о бывшем говорила лаконично: «Смылся». Мальчишки ее отдыхали в лагере, но вдруг заскучали и заявили домой, поэтому Наталья и вынуждена была покинуть сестру. Мать ее, женщина в возрасте, сидела на диване и тихо плакала. Вера, очумевшая от таблеток и уколов, молча пялилась в угол, а вернувшийся Игорь метался по квартире.

– Ничего нового? – спросила Женька.

Он покачал головой и вдруг рявкнул:

– Черт!..

Понять, к чему этот «черт» относится, мы не могли, да и неважно это было, важно то, что, судя по поведению Игоря, его утреннее путешествие ощутимых результатов не принесло.

– Ты письмо видел? – не без робости спросила я.

– Видел, – кивнул он.

– А в милицию сообщили?

– Сообщили.

– И что они?

– А что они вообще могут? Уже три дня прошло... О господи! – Он отшвырнул стул, я вздрогнула от неожиданности,

а Женька спросила:

– Их не удивило, что в письме обращаются к Вере?

– Чему тут удивляться?

– Ну... у девочки есть отец и мать, а обращаются только к матери.

Игорь замер, хмуро глядя в лицо Женьки, потом спросил:

– Что еще за чушь?

– Я бы так не сказала...

– Чушь! – отрезал он. – И письмо это, и твои дурацкие намеки... – Он выскочил из комнаты и хлопнул дверью.

– Ты не в курсе, – повернулась ко мне Женька, – на что я намекала?

Через полчаса мы покинули квартиру Дунаевых.

– Сил моих нет здесь находиться, – призналась Женька, спускаясь по лестнице.

– Моих тоже, – вынуждена была согласиться и я.

– Вот-вот. Лучше нам попытаться сделать что-нибудь полезное, а не сидеть на чужом диване, наживая инфаркт.

– Насчет инфаркта ты права, а вот пользы от нашего копания в чужой жизни я не вижу.

Женька присвистнула и заявила:

– Мы пока и не копнули как следует. И можешь называть меня какой угодно душой, но одно ясно: Игорь злится не зря, что-то тут есть.

– Конечно, – скривилась я. – У человека ребенка украли, даже представлять не хочется, каково это.

– Ладно, Наташка у себя, а в ее квартире разговор вести гораздо легче. Поехали.

Поднимаясь к квартире Натальи, мы услышали ее голос. Говорила она на повышенных тонах. Я позвонила, дверь открыл младший сын Натальи Вовка и нам с Женькой невыразимо обрадовался:

– Мама, Анфиса с тетей Женей пришли.

Оба Наташкиных сына зовут меня по имени, а вот Женьку почему-то тетей. Само собой, Женьку это слегка раздражает, должно быть, поэтому она нахмурилась, а Наталья, выглянув из кухни и увидев нас, схватила за сердце.

– Плохие новости?

– Если ты о Лельке, ничего нового, – торопливо сказала я. – А мы поговорить пришли, появилась у нас одна мысль... – Я выразительно посмотрела на мальчишек, и Наталья, поняв мой взгляд, прикрикнула:

– Марш в свою комнату!

Обрадовавшись, что нагоняй отменяется, мальчишки незамедлительно скрылись, а Женька без предисловий спросила:

– Лелька у них приемная?

Наташа вздохнула, села на стул и кивнула печально:

– Вам Вера рассказала?

– Ага, – с легкостью соврала Женька, вызвав тем самым в моей душе гневный протест.

– Я думала, никто не знает... Верочка даже с прежней работы ушла, и квартиру поменяли... У нее детей быть не могло, это она еще до замужества знала, и Игорь знал, она его предупредила сразу. И первые три года они жили хорошо, а потом...

– Вере очень хотелось ребенка? – подсказала я, а Наташа вдруг поморщилась:

– Тут дело вот в чем... то есть вряд ли бы она решилась, но Игорь...

– Он хотел детей?

– Нет, не хотел. – Наташа посмотрела на нас и нахмурилась. – Тут другое...

– Что другое? – не поняла Женька, демонстрируя редкую бестолковость, хотя мне уже все стало понятно.

– У Игоря появилась женщина, точнее, женщины. Одна, другая, в общем, он увлекался. Вера винила себя и... Да что я вам рассказываю, сами все прекрасно понимаете. Она жила, как на вулкане, забеременеет одна из его красоток, и он Верочку бросит, ведь там ребенок, а здесь... Только зря она боялась: дети ему без надобности. Он, как все мужики, эгоист до мозга костей, я ей сто раз говорила... – Наталья заплакала, а мы сидели молча, боясь своими вопросами ее спугнуть. – В общем, Вера решила взять ребенка в детском доме. Игорь был против. Отношения вконец испортились, одно время я думала, что они разойдутся. И вдруг он согласился. Они взяли девочку, месячную, и, не поверите, все налади-

лось. Игорь к ней привязался, а про Веру и говорить нечего. А Лелька такое чудо, господи, да ее все любили...

Что да, то да, мы с Женькой тому пример, Лелька – очаровательный ребенок, ее общество никогда не было в тягость и даже совсем наоборот.

– Ты думаешь, это Лелькина мамаша вдруг объявилась? – спросила Женька.

– Не знаю, Верочка перед похищением говорила, будто ей кажется, что за ними кто-то следит. И я, и Игорь над ней подшучивали. И вдруг...

– А кто мать ребенка?

Наташа пожала плечами.

– Какая-то потаскушка, родила в девках, молодая, на что ей ребенок? Вот и оставила. У Игоря во втором роддоме тет-ка главврач. Она и помогла, удочерение – дело хлопотное. Мать от девочки официально отказалась и претендовать на Лельку не имеет права. Нас уверяли, что она никогда не узнает, где ее ребенок, и вот... Как-то она узнала...

– Конечно, в милиции ничего рассказывать не стали, – вздохнула я.

– Не стали. – Наташа вытерла глаза платком и закусила губу. – Хоть я и говорила, что надо рассказать, они ее найдут и Лельку отыщут. А Игорь был категорически против, мол, узнают и непременно кто-нибудь ребенку расскажет.

– Но ведь это безумие... – начала я, но Женька перебила:

– Сегодня Игорь пытался разыскать мать?

– Да.

– И что?

– Ничего, – покачала головой Наташа. – Найти ее он не смог.

– Выходит, Игорю известно, кто мать?

– Кажется.

– Что значит «кажется»? Он знает или нет? – напирала Женька.

Это в ней репортерская настырность разыгралась, при этом сострадание к собеседнику начисто отсутствовало. В доме повешенного не говорят о веревке – известная истина, но журналисты как раз наоборот, только об этой самой веревке и способны говорить. Наташа то ли растерялась, то ли по какой-то неведомой причине решила, что Женька имеет право так с ней разговаривать, и покорно отвечала. Скорее всего, она считала, что сестра с мужем не правы, держа в секрете сведения шестилетней давности, и искренне хотела помочь девочке. Мы тоже хотели помочь, поэтому я не стала одергивать Женьку, а просто сидела и слушала.

– Игорь ничего никому не объяснял. Вы же видите, в каком он состоянии. Удивляюсь, как он выдерживает такое напряжение. Ни на минуту не прилег. Он очень любил Лельку, то есть он очень ее любит, – испуганно поправила себя Наталья. – Как думаете, это мать похитила ребенка? – жалобно спросила она.

– Похоже на то, – кивнула Женька и торопливо поднялась

из-за стола.

– Вы куда? К Вере поедете?

– Попробуем отыскать эту чокнутую мамашу.

– Но Игорь...

– Игорь сам по себе, а у нас свой метод, и, честно говоря, срабатывает. По крайней мере, менты от нас поотстали.

Женька направилась к входной двери, и я следом за ней.

– В роддом поедем? – спросила я, устраиваясь в «Фольксвагене».

Подружка, взглянув на часы, кивнула:

– Если не застанем тетку Игоря на работе, придется ехать к ней домой. Ты с ней знакома?

– Виделись несколько раз, Дунаевых она навещает нечасто, но в Веркин день рождения точно была.

– Я с ней по работе встречалась. О роддоме статью писала, у них там все трубы полопались, а властям это до лампы. После статьи зашевелились и ремонт сделали.

– И ты надеешься, что из-за этого тетка Игоря будет с тобой откровенничать?

– Я надеюсь, что она поймет: мы хотим найти ребенка. А как, кстати, зовут тетку? Римма...

– Сергеевна, – подсказала я.

– Точно.

До роддома номер два было совсем недалеко, и минут через десять мы уже сворачивали к свежеекрашенному двухэтажному зданию с широким крыльцом. Слева стоянка для

машин, справа клумбы, ухоженные и по случаю жары недавно политые.

– Чувствуется хозяйская рука, – похвалила Женька и спросила с сомнением: – Как считаешь, она нас сразу пошлет или хотя бы выслушает?

– Сейчас узнаем, – пожала я плечами.

Римму Сергеевну пришлось ждать минут двадцать. Она появилась в конце коридора, издалека увидела нас и улыбнулась, потом, точно вспомнив, что для улыбок время не подходящее, нахмурилась и кивнула:

– Здравствуйте, девочки. Ко мне? Проходите в кабинет, там удобнее.

Ласковый прием рождает в душе надежду, что мы приехали сюда не зря. Мы с Женькой вопросительно переглянулись, и я начала:

– Римма Сергеевна, вы, конечно, знаете, что произошло?

– Да, я то и дело звоню... чудовищно... бедная Верочка... Игорь... не представляю, как они держатся. Я была у них в понедельник и сегодня опять собираюсь.

– Римма Сергеевна, Игорь и Вера подозревают, что ребенка могла похитить мать Лельки. – Женщина даже бровью не повела, смотрела выжидающе и вопросов задавать не собиралась. – Сегодня утром Игорь куда-то уезжал, думаю, пытался разыскать эту женщину...

– Так он знает, где она? Он же... – Римма Сергеевна нахмурилась и замолчала.

– Мы решили, что знает. Как приемным родителям им должно быть известно имя матери.

Римма Сергеевна усмехнулась, точно я сказала что-то нелепое, потом ответила:

– Разумеется...

– В удочерении помогли им вы?

– Я. Они очень хотели ребенка, а тут девочка-отказница. Чудесная здоровая малышка. А Игорь – мой племянник. – Она закрыла глаза ладонью, потом торопливо налила воды из графина, стоявшего на столе, выпила, пробормотав: – Извините...

– Сегодня им пришло письмо, которое подтверждает наши подозрения насчет похитителя. В письме Веру просили не волноваться за ребенка...

– Веру? – Могу поклясться, женщина была потрясена. – Веру? – повторила она еще раз и почти простонала: – Господи...

– Мы подумали, может быть, то, что не удалось Игорю, удастся нам? Я знаю, это против правил и вообще, но... Ведь вы понимаете? – сказала я с надеждой. – Римма Сергеевна, не могли бы вы сообщить нам имя этой женщины?

Она молчала минуты три, не меньше, сидела, разглядывая свои руки, молчали и мы, боясь нарушить тишину.

– Трусова Инга Станиславовна, – вдруг сказала она. – Отец ее был известным в городе человеком, тренером в нашей спортшколе. Несколько лет назад вместе с женой погиб

в автомобильной катастрофе.

– Инга? – растерялась я.

Римма Сергеевна взглянула непонимающе и спросила:

– Значит, Игорь встречался с ней?

– Этого мы не знаем, – кашлянув, ответила Женька. – Но похоже на то...

– Бедный ребенок. – Римма Сергеевна опять тяжело задумалась, а мы с Женькой, простившись, торопливо покинули кабинет.

– Чего-то тут не так, – кусала губы Женька.

– Конечно, не так, женщину с коккером звали Людмила, а тут какая-то Инга...

– Ерунда, Инга – имя редкое, назови она его, девочка могла рассказать о тете Инге, а родители сразу бы насторожились. А вот тетушка явно озабочена...

– Разумеется, я тоже озабочена...

– Ох, что-то во всем этом есть. Как собака, чую, а высказать не могу. А куда ты едешь? – додумалась спросить Женька.

– К Ромке, конечно. Как еще мы можем узнать адрес этой самой Инги?

Завидев телефон-автомат, я позвонила мужу, но с работы он уже уехал, и мы помчались к нам.

Роман Андреевич с удовольствием поглощал приготовленный обед и, завидя меня, заулыбался, но тут заметил Женьку и поскущел.

– Ромик, для тебя есть работа, – порадовала подружка. – Мы тут такого нарыли, целый детектив. Но без твоей помощи не справиться.

– Ну и чего такого вы нарыли? Номер машины, на которой увезли Лельку?

– Нет, с номером не повезло. А дело такое: Лелька – приемная дочь Дунаевых, и умыкнула ее, скорее всего, мамаша. Видно, через шесть лет не вынесло материнское сердце, что родное дитя в чужих людях мается, вот и...

Роман Андреевич присвистнул, а затем поморщился.

– Чего ж они дурака валяли и в ментовке об этом помалкивали?

– Они и сейчас помалкивают. Игорь пытался отыскать мамашу, но... в общем, успехов не наблюдается.

– А от меня вы чего хотите?

– Мамашу, само собой.

– Зачем? – Роман Андреевич начал злиться, скорчил презрительную физиономию и взглянул на нас сурово.

– Как зачем? Хотим проверить...

– В милиции проверят. Если б Игорь с Веркой не темнили, ребенок был бы уже дома. – Роман Андреевич придвинул телефон и стал звонить, но нужного человека на месте не оказалось, и, недовольно косясь на нас, он вновь набрал номер. – Андрей, ты? Громов говорит... Нормально...

Я пристроилась рядом и зашептала:

– Мать – Трусова Инга Станиславовна, ее отец когда-то

был тренером в спортшколе, вместе с женой погиб в автокатастрофе.

– Вот что, Андрей, тут такое дело: надо выяснить, где сейчас проживает некая Трусова Инга Станиславовна, ну и, по возможности, все, что ее касается... Есть подозрение, что она похитила ребенка... Да... отец бывший тренер... ясно... ага... – Дальше разговор пошел вовсе для нас невразумительный, сплошные «ага» да «ясно», мы томились, ерзали на стульях и вожаденно заглядывали в непроницаемую физиономию Романа Андреевича. Наконец он повесил трубку и покачал головой: – Вот что значит четыреста пятьдесят тысяч жителей. Андрей с этой самой Ингой в спортшколе учился. Она гимнастикой занималась, ее прочили в звезды, и вдруг несчастье: упала с велосипеда, да так неудачно, что сломала бедро. Со спортом пришлось проститься, ну и, как говорит Андрей, у девки слегка крыша поехала: то она ни о чем, кроме своей гимнастики, думать не думала, то ударились в разгуляево: мальчики, винишко и все такое прочее. Вышла какая-то скверная история, то ли авария в пьяном виде, то ли еще что, у отца инфаркт, у девки неприятности, но вроде все замяли. Потом она из города уехала, был слух, что вышла замуж.

– И чего? – выслушав рассказ Романа Андреевича с открытым ртом, спросила Женька.

– И ничего. Это то, что Андрей сообщил. А на остальное нужно время... Я с Игорем едва знаком, а вот вы с Веркой

старые подруги, поезжайте к ней и уговорите все рассказать в милиции, если будут хитрить да темнить, наверняка лишатся ребенка.

– Легко сказать – поговорить, – проворчала я. – Да Верка даже не в курсе, что нам про Лельку известно... Думаешь...

– Не думаю, но точно знаю: милиция для того и существует, чтоб заниматься такими проблемами.

Мы с Женькой невесело переглянулись, но совету вняли и поехали к Дунаевым. Открыла нам мать Веры, лицо заплаканное, плечи опущены, и двигается как тяжелобольная: ясно, что хорошими новостями не пахнет.

– Есть что-нибудь новое? – испуганно спросила я, она только головой покачала.

Игорь, Вера и вернувшаяся Наталья были в комнате. Взглянув на нас, Вера нахмурилась и спросила:

– Как вы узнали?

– Теперь это неважно, – отмахнулась я. – Важно другое: как можно скорее рассказать о своих подозрениях в милиции. Они найдут эту Ингу...

– Найдут Ингу, – вдруг зло засмеялся Игорь. – Как будто это так просто. Она давно уехала из города.

– Тем более, – спокойно возразила я. – Сам ты ее отыскать вряд ли сможешь. А в милиции с такой проблемой справятся. Скорее всего, она просто забрала ребенка к себе...

– Чушь... чушь... она что, ненормальная?

– Вполне возможно, – влезла Женька. – Вы лучше вот что

скажите: раньше она себя как-то проявляла? Интересовалась ребенком? Может быть, звонила?

– Нет, – покачала головой Вера, – никогда. Я даже не думала, что... Ведь она от нее отказалась, нас заверили, что она не узнает, где девочка. Как же так? Выходит, кто-то сообщил ей...

– Кто мог ей сообщить? – рявкнул Игорь. – Она могла узнать об этом только из документов...

– Какие-то знакомые, имеющие отношение к этим документам, в конце концов, просто деньги...

– Но зачем ей все это, она же отказалась от ребенка? Не может она теперь претендовать на девочку, – жалко всхлипнула Вера. – Это ведь неправильно, нечестно. Я Лелькина мать, а она ее бросила, бросила... – У Веры началась истерика, и разговора не получилось. Игорь подхватил нас с Женькой за локотки и буквально выпихнул в кухню.

– Вы видите, чего добились своей дурацкой болтовней? Вы что, хотите ее в гроб вогнать?

– Мы хотим вернуть Лельку, – выдернув свой локоть из его цепких рук, ответила Женька.

– Очень признателен. Но мы как-нибудь обойдемся без вашей помощи. Я ясно выражаюсь? Не суйтесь не в свое дело. И вообще: оставьте на некоторое время наш дом. Я бы сказал, на длительное время.

– Игорь, я понимаю, ты расстроен, – попыталась я утихомирить разыгравшиеся страсти. – Но, скрывая правду, вы

только ухудшаете положение. К тому же ваша тайна уже не тайна, я все рассказала Роме, и он позвонил в милицию. Эту женщину уже ищут.

– Черт! – совершенно обезумев, заорал он. – Кто тебя просил? Чего вы вообще суетесь не в свое дело? Убирайтесь отсюда, и чтоб ноги вашей больше не было!

– Полегче, – осадила его Женька. – Убраться мы, конечно, уберемся, но Лелька нам не чужая и запретить нам беспокоиться о ней ты не можешь.

Игорь закусил губу и попытался успокоиться. Надо признать, это ему удалось.

– Анфиса, – сказал он, обращаясь ко мне и игнорируя Женьку, – пожалуйста, послушай меня. Эта женщина, я имею в виду эту Ингу, явно психически не уравновешенная особа, и я очень жалею, что сообщил о пропаже ребенка в милицию. Сообщил, потому что никак не думал, что связано это с настоящей матерью. Она мать Лельки, мать. Пусть никудышная и бросившая ее, но мать. Повинуясь неожиданно пробудившимся родительским чувствам, она похитила девочку. По закону это преступление. Киднеппинг – очень серьезное преступление. Вы понимаете? Я думаю, что сейчас Лелька в безопасности, но, если милиция начнет охоту на эту женщину, только господу ведомо, что она сотворит. Например, заведет малышку в лес и там бросит, чтобы не оказаться в тюрьме, или того хуже, сунет в какой-нибудь подвал в заброшенном доме... и никто никогда не найдет там ре-

бенка. Я схожу с ума, думая об этом... Мы не будем ничего предпринимать. Мы надеемся, что она как-то образумится и себя проявит. Например, позвонит. Ведь она прислала письмо, вполне возможно, что и позвонит. И тогда мы попробуем вернуть Лельку, пообещав взамен, что не будем возбуждать против нее уголовного дела.

– А если она не собирается ее возвращать?

– Не думаю, что ей нужен ребенок. Для такой, как Инга, это обуза, не зря она однажды уже бросила дочь.

Игорь замолчал, и мы молчали, пока я, собравшись с силами, не напомнила:

– В милиции уже знают об этой Инге. И будут искать.

– С милицией я как-нибудь разберусь. А вас прошу держаться подальше. Очень прошу. Более того, если вы еще раз здесь появитесь, я спущу вас с лестницы.

– Классная речь, – заметила Женька уже на улице. – И налицо мотив, который движет несчастным отцом. Только ты не скажешь, отчего у меня такое паршивое чувство, что нас водят за нос?

– Нет у тебя никакого чувства, – пожала я плечами. – Просто обида на то, что нас выгнали в шею...

Роман Андреевич заскочил с работы перекусить. Я-то подозревала, что он просто заехал меня проведать: не далее как утром я клялась и божилась, что с частным сыском покончено, а я сегодня же засяду за работу, то есть начну на-

конец писать роман. И как только супруг отбыл на службу, в самом деле устроилась за письменным столом. Дверь на лоджию была открыта, со двора доносились детские голоса и обрывки мелодий, а я смотрела на девственно чистый лист бумаги и силилась собраться с мыслями. Через полчаса стало ясно: дело безнадежное. Я вздохнула и пошла загорать на лоджию, оправдываясь тем, что сюжет надо как следует продумать, настроиться на нужную волну, и вообще... Но мысли мои неизменно возвращались к Лельке. Конечно, то, что она с матерью, позволяет надеяться, что ничего плохого с ней не случилось, и все же беспокойство не только не проходило, оно нарастало. В общем, когда Роман Андреевич появился в квартире и бодро спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.